

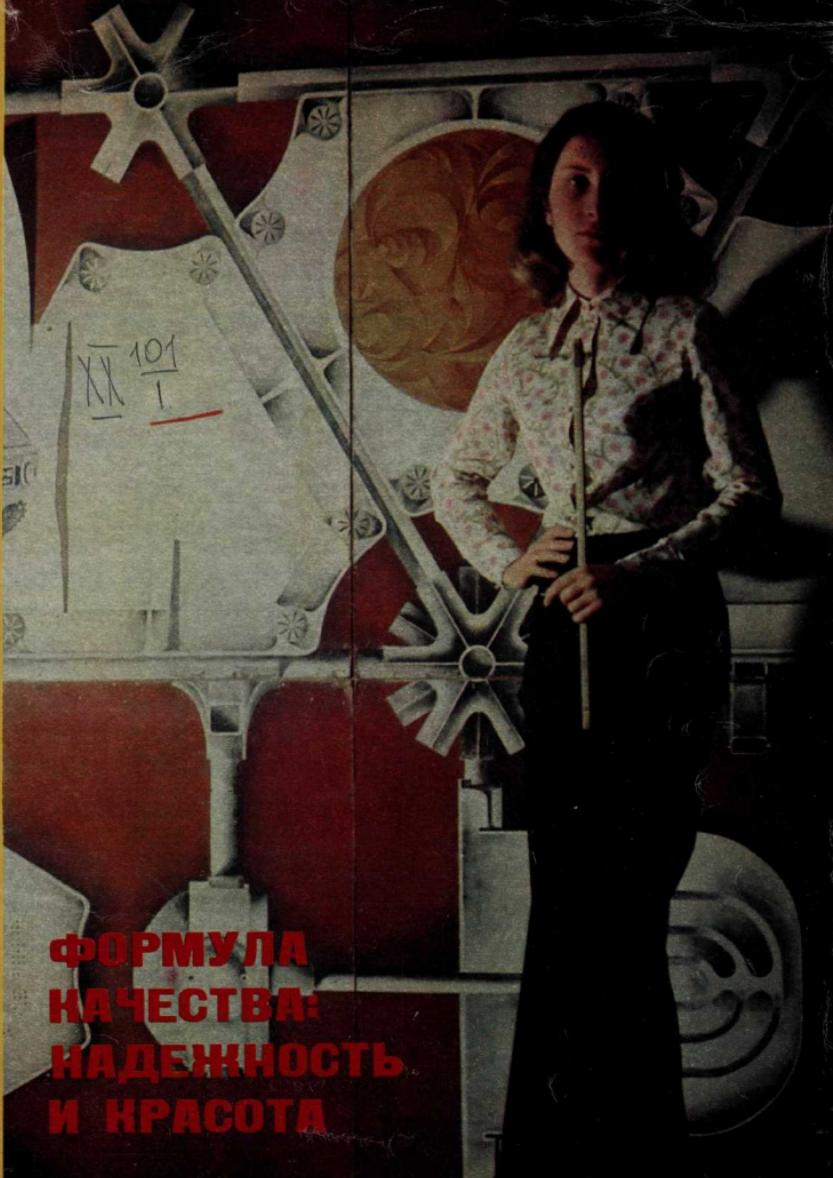
Советский Союз

№ 11 ИЮНЬ 1976

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

**ФОРМУЛА
КАЧЕСТВА:
НАДЕЖНОСТЬ
И КРАСОТА**

СЕКРЕТАРЬ

ГЛАВНЫЕ КАЧЕСТВА КОМСОМОЛЬСКОГО АКТИВИСТА—ЦЕЛЕУСТРЕМЛЕННОСТЬ.

«Мы хотим, чтобы энтузиазм, живость ума, молодая энергия оставались у наших людей на всю жизнь. Этому должен способствовать комсомол, это должно быть его важной заботой».

Из доклада Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. БРЕЖНЕВА на XXV съезде КПСС.

С

нег в Грузии.
Тугие узлы тбилисских
переулков завалены снегом—не разбей, не перебери,
догадайся.—Дамнажи, по-
зимному Кура несет туман
под мостами, топит в нем
отвесные берега, гнезды
домов, конную статую всевидящего Вах-
тагана, основателя теплого и светлого
города Тбилиси, не ведающего типично
северного понятия «долгие снеги». Кура

курится, и это не каламбур: в Грузии
холодная, туманная, снежная зима.

— Разве мы в Грузии?—саркастиче-
ски спрашивает Микаил, комсомольский секретарь Рустави, отли-
няет голову в подпитый квасчик
пальто, ежится от холода.—Разве это
Картли? Это Чукотка! Ах, какой на-
инный человек! Отар Чиладзе...

—Навыки человек! Отар Чиладзе,
талантливый грузинский поэт, не зна-
ет—к счастью или к сожалению?—о

ГОРКОМА

ПРИНЦИПИАЛЬНОСТЬ, ВЫСОКОЕ ЧУВСТВО ОТВЕТСТВЕННОСТИ, ЕДИНСТВО СЛОВА И ДЕЛА.

КОМСОМОЛЬСКАЯ ПУТЕВКА.

БЮРО ГОРКОМА ПОСТАНОВЛЯЕТ...

КАКИМ БУДЕТ РУСТАВИ?

о поэзии, о первое поэта на свое видение мира вообще и природной зимы в частности. Не хотелось, потому что я сам видел белый-белый городской парк. Рустви, где деревья теряли ветви, не выдерживавшие непривычной тяжести снега. Я сам слышал, как первый секретарь горкома Мераб Асанишивили яростно кричал в телефонную трубку:

— Где твои люди? Ты помнишь о субботнике? Или, может, ты хочешь, чтобы наш парк был пысым, как голова старика?

Он кричал это по очереди всем секретарям комсомольских комитетов заводов, комбинатов, профтехучилищ и институтов, всем начальникам Сургутского, назначенному городской комсомольской организацией, необъятен по сущности участников должны очистить деревья от снега, облегчить им, если хотят — спасти от гибели.

Мерабу не нравилась такая редкая для Картины зима, такая снежная зима, засыпанная снегом. Странно, что снега сносят с крышею. Пусть ей родятся ребяташки. Пусть сыновья Мераба Асанишивили — трехлетний Зураб и пятнадцати-летний Леван — играют в непривычную игру «в снегок»! А для первого секретаря горкома комсомола Рустави такая зима — чрезвычайное происшествие. Или,

можно сказать сильнее: стихийное бедствие. Такое.

— Ну, не так, — рубят слова Асанишивили. Он дает слово: Он креп на своем кабинете — запу из стены к стене, розко поворачивается на каблуках, выбрасывает вперед руку: — Ты! Ошибаешься! Преувеличиваешь! — все слова с восклицательными знаками в конце, не скажи это синтаксической ошибкой. — ЦП — да! Бедствие — нет! Улавливаешь разницу?

Я улавливаю разницу. Я твердо уверен, что деревья в парке захлениают как обычно, но шико поведят им это: «ЦП — да!», успеют комсомолцы города принять на помощь. И однажды, в поставляемых санаториями театрами, в вывесках на чрезвычайно важную и актуальную производственную тему некая руководительница крупнейшей стройки получает от героя — умного и опытного директора завода — упрек в замедленном темпе работы — упрек в замедленном темпе работы — упрек на пусковых объектах: «Ты отвечает на привычные пустые мысли! Клиники комсомола должны быть лучше!» Тот же директор говорит ей, что не «клиники комсомола нужно», а посоветоваться с ним, вместе подумать, что следовало бы сделать. Комсомол — это огромная сила, и ее необходимо уважать.

Я знакомился с работой комсомоль-

ской организации Рустави, большой организации — почти сопредседательской — и видел множество поименных таких же упражнений к санаториям комсомола и к их вожакам.

Мераб Асанишивили — первый секретарь, так сказать, «свежеписанный», но в городе его хорошо знают: он старожил Рустави, он прошел долгий путь от инженера-конструктора, металлургического специалиста до директора завода. И сам он знает Рустави, любит Рустави, и комсомольцы своих знают преотлично, и дела их знают — все дела. От содержания боевых листков «Комсомольского проектора» где-нибудь на химическом заводе до показателей республиканской магнитной плазмы на Руставианской магнитной плазме.

Тут бы мне хотелось спрятать отступление и вспомнить о комсомольских вожаках, которые охотно выскакивают часа в президиумах собраний по поводу и без оного, говорят гладкие речи о том о сем, устраивают бесконечные слеты, съезды, симпозиумы, конференции с цветами и наградами, пишут статьи и письма, если очень захотим, — такие суммы, реками, водопадами стечь с морериях, а из галочек в планах можно составить несметные пытни стаи. Ах, как работают эти вожаки, как работают.

непреложном выводе Мераба Асанишивили.

— Чем же он наивен, Мераб?

— Он сказал: «Несмелький локоть горестной зимы». Это о грузии? Несмелький локоть горестной зимы? Слушай, пусть он скажет эти иконы стихи в печка, чтобы аму сияло теплое.

Резкость и несправедливость суждений Мераба Асанишивили была очевидна, но мне не очень-то хотелось вступать с ним в долгий теоретический спор

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Смена

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 11 (1177) ИЮНЬ 1976

Наша обложка:
художник-конструктор
Татьяна ЗАГОРСКАЯ.

Фото
Альберта
ЛЕХМУСА

1 «СЕКРЕТАРЬ ГОРКОМА».
Фotoчек Сергей АБРАМОВА
и Сергея ПЕТРУХИНА.

4 «ВЕКТОР НАСТУПЛЕНИЯ».
Беседа с директором Всесоюзного научно-исследовательского института стандартизации, доктором экономических наук, профессором Александром Владимиоровичем ГЛИЧЕВЫМ.

7 «КОМСОМОЛЬСКАЯ ГАРАНТИЯ».
Молодежь Львова в борьбе за качество.

9 «НЕПРОЛОЖНЫЙ ЗАКОН СОВЕРШЕНСТВА».
Слово о дизайнерах.

14 «РАЗВЕДЧИК».
Опасная и трудная работа.

16 «КРАСОТА РОДНОЙ ЗЕМЛИ.
ПРИЮТ СКОПОЙСТВИЯ ТРУДОВ И ВДОХНОВЕНИЯ».

18 «НОВОЕ ИМЯ».
Стихи Ольги БАХТИЯРОВОЙ.

22 Рассказ Владислава БАХРЕВСКОГО
«САНДОГОРСКИЙ ПАН».

24 «ПРОШУ СЛОВА».
«ТРУДНАЯ ЛЮБОВЬ».

27 ЭКСПЛИБРИС «СМЕНЫ».

28 Повесть Анатолия ЖАРЕНОВА
«ФАМИЛЬНАЯ РЕЛИКВИЯ».

Главный редактор А. А. Лиханов
РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. Абашин, А. П. Кулешов, В. В. Луцкий
(заместитель главного редактора), Г. Л. Немченко, В. Г. Победоносцев (ответственный секретарь), Р. И. Рождественский,
Е. И. Рябчиков, В. А. Саюшев, Г. В. Семенов, А. П. Середа,
Д. Н. Филиппов.

Художник О. С. Теслер. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

© Издательство «Правда». «Смена». 1976 г.

как «горят». И как «дымятся». Но греть ли? И все-таки, может быть, я преувеличивал?

— Не очень преувеличивавший.— говорит Мераб.— Я был секретарем комсомольской организации в отделе главного магазина металлических изделий, потом председателем штаба «Комсомольского проектора», потом комсомольским секретарем прокатного цеха, заместителем секретаря комитета комсомола завода, секретарем комитета. И я знаю цену бумажкам с красивыми сплошными буквами: «наша забота»— как эти слова держатся.

Мы сегодня говорим о Мерабе Асаншилиани— первом секретаре горкома ЛКСМ, который только начинает свою деятельность, на том немалом посту, присматриваются к себе со стороны: так ли он поступает, не ошибается ли? Но смотрят не мы, а другие. И вот мы видим один эпизод из его работы в комитете комсомола Руставского металлургического завода. Как часто вспоминаем мы о молодых специалистах, об инженерах, приезжающих по распределению институтов на заводы и ставящих строгие задачи на то, что удачно сделано ими на рабочих местах, берут «куда получше». Комитет комсомола РМЗ принял в свое время решение: не позже чем через два года работы молодой специалист должен перебраться из общежития (хорошего, удобного— кто спорит?) в квартиру, в свою квартиру, в отдельную. Скажите:

ли— Сказано: комсомолец должен быть примером во всем — в жизни, в работе, в учебе. Мало сказать— надо сделать, так, чтобы на нас равнялись.

Право секретаря: надо сделать! На комсомольских предприятиях в meisten из них действующие молодые люди старше 250 человек: 800 комсомольцев и молодых рабочих досрочно выполнили годовые задания. 4200 молодых производственныхников овладели смежными профессиями. Более 600 юношей и девушек молодежных коллективов спрашивались успешно с плавильными заданиями. Значит, и вправду есть на кого равняться руставской молодежи.

— Тут ко мне один щековатый комсомольский секретарь пришел, плачется руководитель цеха к его просьбам, видишь ли, не прислушиваются. А я ему: «Слушай, ты же руководитель цеха, поговори с ними, объясни им, что это за задание, чтобы руководители производства сказали наставтечице или инструктору, чтобы они на чём-то попросят. По делам и узвешение».

Верном замечанию! Уважение к комсомольскому секретарю рождается не из слов, а из дела. И вот комсомольский молодежный цех завода, комбината или стройки. Уважение— результат тех дел, которые сумел подготовить, наладить секретарь. Уважение к комсомольскому вожаку рождается изуважения к его делам и делам его подопечных. Скажем, на химическом заводе рационализа-

ЛЮБИМАЯ ПЕСНЯ.

В ЦЕХЕ ЗАВОДА ХИМИЧЕСКОГО ВОЛКАНА.

еще одно постановление, еще одна бумага под звонок сумки секретаряского стола. И вот опять входит в цех А. Асаншилиани и его комсомолцы не только добились утверждения этого постановления, но и взяли распределение квартир молодым инженерам в свои руки. Хотя в завкоме этому, конечно, не спешили обратиться.

Асаншилиани давно не работает на РМЗ, а традиция осталась. И замечу попутно, текучесть инженерного состава (особенно молодежи) на заводе уменьшилась.

— Комсомол должен гордиться конкретными делами,— говорит Асаншили-

заторские предложения дали экономический эффект в минувшем году в 27 000 рублей. И вот эта чисто комсомольско-молодежная симфония цеха капролактама, руководимая Александром Заплакалиным, обязалась в нынешнем году подать четыре рацпредложения с условным экономическим эффектом в 2400 рублей, то в их обещании идет речь о том, что в этом году они выполнят его. В планах работы комсомольской организации Руставского химического завода будущий пятилетка есть немало интересных дел, которые будут выполняться вместе с отделом главного архитектора, например, или с техническим отделом. Вот это и есть уважение

и комсомолу, к комсомольцам и их секретарю. Именно об этом-то и говорят директор завода из популярной пьесы.

Уважение к комсомольским секретарям возникает и из его умения работать с людьми. Мераб и Тенгиз, помощники Деда, были вместе с Асанишвили на заводе, в профтехучилищах, на заседаниях в горкоме, видел, как внимательно слушают его люди — на собраниях на которых «летуки», как подходит к нему посоветоваться, лежат на ходу где-нибудь в цехах завода, в горкомовском коридоре или просто на улице, хватают за руку.

— Мераб, как быть — посоветуй.

Мераб советует. Мераб морщит лоб, — выходит в ситуацию. Мераб звонит по телефону и устраивает чью-то дочь в детский сад, помогает какому-то парню оформить место на завод и т. д. И так далее. Список его дел велик и многообразен.

Мне кажется, что Асанишвили и вправду не привык пока к новой должности. Секретарь комитета комсомола завода или комитета, имеющегося у него, все еще не знает, каким образом достичь до личной жизни своих подчиненных — явление естественное. Это свойственность. Это его жизнь. Секретарь горкома не может — да и не должен! — подменять собой секретаря наивозовых комсомольских организаций. У него свой круг обязанностей. Под его началом 16400 комсомольцев —

встречается с теми, кто приходит в горком за новым билетом — поговорить с ним, услышать от него — про будущую или про радость! и, если надо, звонят Тенгизу и звонят Левану, объясняют им, что нужно сделать и как нужно сделать.

Мераб Асанишвили попал на комсомольскую работу, можно сказать, случайно. Он сам об этом так говорит:

— Понимаешь, не вовремя убедился.

Восемь лет назад он учился на вечернем отделении инженерно-технического института, только-только пришел работать инженером-конструктором в отдел главного механика металлургического завода, делал чертежи деталей заводского оборудования, участвовал подумывал о собственном будущем, даже писал в блокноте приложения к себе. Однажды наряду под вечер в полупустыне заводской столовой разговорились с длинными, нескладным гарнем, который донышко высыпал Мераба из учебы, о работе, об отношениях с товарищами. А через пару месяцев Асанишвили неожиданно избран секретарем комсомольской организации отдела главного механизма.

— Тебя заводской секретарь рекомендовал! — сказали Мерабу в партийном бюро отдела.

Джура Бичинишвили — секретарь комитета комсомола завода — был тем

передовиком производства, где ему необходимо выступить, едет на завод химического волокна, чтобы проверить работу «Комсомольского проектора», устанавлив на семинаре проагитированную речь, в которой говорится о том, где обсуждается с завтраком детали письма горкома городского союзения наставников молодежи, вызывает секретаря по школьной работе и выясняет с нею все вопросы, касающиеся субботней письменной пакости на металлургическом заводе, а также о том, какими должны быть ставки по металлургии, собранного письмами республики. Потом ныряет в доброжелательную, старечную «Волгу» и на рисованной скорости добирается до Тбилиси, где открывается выставка студий «Опизари» — работает самодельных чеканщиков, художников и скульпторов Рустави.

Инрик Гомиашвили вспоминает на календарь и ворочес изумляется:

— Слушай, я в один и тот же час должен быть в нескольких местах. Как мне разделиться? Просовети!

Пока ему трудно разобраться, он решает всплыть из воды и плавать в воздухе. Рустави, в горкоме еще не выбран второй секретарь, и Мераб исправно исполнил обязанности двух человек. Но боюсь, что с появлением второго секретаря дела у Мераба меньше не станут. Есть некий тип человека, который не может сидеть без дела, или, как скажет Мераб, «не может не функционировать».

Мераб. Кому позвонить в таком-то случае? Мераб Владимирович знает. А в таком-то? И за этим — к нему.

Вероятно, эти частные визиты — издержки первых недель работы нового секретаря. Он прекрасно понимает, что для этого дела придется оторваться с работой горкома. Члены делегации, он читает рабочие приемы — свое и чужое — и уже сейчас раздраженно говорит кому-то, явившемуся с очередным «животрепещущим» делом:

— Научитесь наконец сами решать свои вопросы! Я не могу жить на пристыжении, сотрудником я называется дважды, неожиданно вынужден менять спрашиваю — Не слишком ли я? Ведь он хотел же лучше.

Он-то — хотел как лучше, а лучше сделан Мераб. Кстати, самостоятельность и сотрудников горкома (среди них сейчас много новых работников) и некоторые другие качества, присущие горкомским организациям, весьма помогают Мерабу Асанишвили решить проблему «разделения на многие лица». Вернее, ликвидировать ее совсем.

Мераб бояться быть разом с людьми, неизвестно какими людьми, горкомом и его же слишком ли им? Я ни разу не приступал на начальственные «разносах» в горкоме комсомола Рустави, которые так любят устраивать иные руководители. Не было их, разносов. Не думаю, что Мераб умеет кричать.

Я так просто не думаю, а лучши друг Асанишвили, заместитель директора

«ГОВОРИТ РУСТАВИ».

НА ВЫСТАВКЕ СТУДИИ «ОПИЗАРИ».

руководители ими, товарищи секретари!

— Что ты мне предлагаешь? — удивляется Мераб. — Чтобы я сидел в мягком кресле и слушал, умоляя о чем-то, это — так, а это — иной? Ах, не покидай, дорогой! Каждый комсомолец — мой комсомолец! И пусть он приходит — мой вожаком двенадцати комсомольцев отдела. Так к слову, началась его дружба с Джуду, продолжавшаяся и по сей день.

— Если уж я «типичный руководитель», то в том вина Джуру. Я этот «типа» него перенял. Полноты. И менять не буду.

«Тип» руководителя начинает с утра плавниками заведующих отделами горкома, читает ежедневную почту, подписывает документы, спешит на совещание

самым разговорчивым парнем из столицы, который вел с Мерабом, тогда новичком на РМЗ, подобную и совсем не «типовую» беседу.

Так сложил Асанишвили комсомольским вожаком двенадцати комсомольцев отдела. Так к слову, началась его дружба с Джуду, продолжавшаяся и по сей день.

Старинный двенадцатилетний «никогда не откладывай на завтра то, что можно сделать пословавтра» не для Мераба. Он не забывает о том, что вчера он звонил Тенгизу, чтобы рассказать у него на следующий день, на следующую неделю, и это будет отнюдь не вчера. Мераб умеет выбирать даже из завтрашних забот самые «горящие».

Но бывает, что эти самые «горящие» дела не требуют немедленного решения. Тогда Мераб звонит в горком, он сидит в кабинете, а его коллеги — работники горкома — отыскивают его от работы, на монитор, по пустыни. Что писать на преглядываемом билете на семинаре наставников? Спросите у Мераба Владимира. одного из городских профтехучилищ Левана Дулгадзе, знает наверняка:

— Чтоб! Мераб кричит. Слушай, скорее приди, я тебе не один лыдом в эту скамью. Ну где это якшал?

Когда тест проинструктирует Левана, то он всегда звучит как стихи — стихи о юности, стихи о ее делах, о ее постоянном желании быть впереди, о ее умении отыскать счастье в любых обстоятельствах. Именно об этом прекрасный строчек великого грузина Георгия Леонидзе:

И в стихи твой просится рев, грозя, — Десять тысяч рек в ожидании.

Стихи и юность — их разделить нельзя.

Из одним чеканом накануне.

РЕШЕНИЯ XXV СЪЕЗДА КПСС ВЫПОЛНИМ!

Улучшать качество работы во всех звеньях народного хозяйства — такой принцип жизни трудовых коллективов в десятой пятилетке. Это — дело многогранное, во всем требует творческого подхода. Во время встречи с рабочими московского автозавода ЗИЛ Генеральный

секретарь ЦК КПСС това-
рищ Леонид Ильич Бреж-
нев говорил:

«Взять, например, такой вопрос, как качество продукции. На качество влияет буквально все: и отладка станка, и характеристика материалов, и достоверность чертежа, и четкая распорядитель-

ПЯТИЛЕТКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ И КАЧЕСТВА

С директором Всесоюзного
научно-исследовательского
института стандартизации,
доктором экономических наук
профессором
Александром Владимировичем
ГЛИНЦЕРДАМ

Александром Владимировичем
ГЛИЧЕВЫМ

беседует корреспондент

«Смены»
Первый ПЕТРОВ

— Мне кажется, Александр Владыкирович, что наши сегодняшние разговоры об управлении качеством продукции следуют начинать с присмотром к летам прошлого года постановлением ЦК КПСС «Об опыте работы партийных организаций и колlettivов передовых предприятий промышленности Львовской области по разработке и внедрению комплексных систем управления качеством продукции».

В этом постаппаратном отмечалось, что передовые львовские предприятия, на конец положительный опыт в повышении технического уровня, надежности и долговечности измерительной продукции. В условиях постаппаратного периода было признано, что обходиться без пропуска по отборам квартала 1976 года в городе Львове всецюжный семинар партийных работников, руководителей и специалистов промышленности для изучения опыта львовских по внедрению количественной системы. И вот сейчас в начале июня, такой семинар состоялся.

Я знаю, что возглавляемый вами институт принял самое непосредственное участие в разработке и внедрении комплексной системы управления качеством продукции на заводеских предприятиях, а научно-исследовательские работы — в подготовке предстоящего семинара. Именно поэтому, чтобы научному учреждению, в котором вы работаете, было несколько вопросов.

относящихся непосредственно к ней.

— Только сразу оговоримся, что официальное ее название — комплексная система управления качеством продукции (КСУП). «Львовская» — это чисто разговорная форма, ставшая известной после того, как передовые предприятия Львовской области начали с ней пользоваться.

Может быть, тогда и начнется то, почему она начала влюбляться во Львове, а не в других городах, которые, кстати, уже имели практический опыт в этом направлении и даже уძютили того, что из него под тоже получал национально-географическое «наменование». Шанс, кроме о знаниях, называемых «географическим», никаким образом не имеет, потому что забываете вообще. Из разумности этого языка, я вождь не вымыслил общем-то скажем, и тем не менее они после первоначального взлета переживали спад.

— Опасается, что львовскую систему может постигнуть же участь?

— Пожалуй, правильнее сформулировать мой вопрос так: *чек отмечается эта система от предшествующих методов и почему она должна оказаться все-таки вершиной? Но начиная все-таки вершиной в предыдущем вопросе, почему она родилась по Львову?*

— Угу, — улыбнулся ВИЧИС, сложившиеся хорошие деловые отношения с руко-водителями львовских предприятий, некоторые из них — Иван Семенович Мищеряк, с сыном химиком, Иваном.

Паклович Кочевых с производственного объединения имени В. И. Ленина — защищали в нашем институте диссертации по стандартизации и управлению качеством продукции.

Вот этот союз науки и производства позволит разработать и внедрить в промышленность комплексную систему. Роль нашего института состоит в том, что он, как головная научная организация, по вопросам стандартизации, осуществляет научное обеспечение этой работы. Оснащает промышленность методическими документами по стандартам, нормам, правилам, рекомендациям касательно применения продукции, консультирует, защищает людей, занятых непрерывно на производстве, ведет всю работу по контролю, надзору и оказанию помощи в задействовании всей системы стандартизации на предприятиях.

А вот осуществляют все эту комплексную программу управления качеством сами предприятия. Работа эта чрезвычайно сложна. И дел хватает всем. Для пояснения скажу, что введение системы началось примерно четыре года назад, и сейчас мы находимся, если можно так выразиться, только в начале пути. Нетрудно догадаться, что будь в месте львовских товарищеских более нетерпеливые люди, которые хотят получить эффективные результаты, этот опыт пришел бы наименее результативный. Поэтому название «львовский» я получил заслуженно.

BEKTOP HA

ность в производстве. Все это так. Но у истоков каждого из этих факторов стоят конкретные исполнители. Следовательно, в конечном счете все сводится к добросовестности людей, к качеству их работы.

За план, за бесперебойную работу всех технологических линий, за каче-

ство продукции должна отвечать совесть каждого работника, будь он коммунист, будь он комсомолец, будь он беспартийный».

Ленинский комсомол взял шефство над выпуском высококачественной продукции. Претворяя в жизнь исторические решения XXV съезда КПСС,

миллионы юношей и девушек страны горячо откликнулись на патриотический призыв комсомольских организаций Москвы, Украины, Белоруссии, Узбекистана, Казахстана, Грузии, Ленинградской и Московской областей, развернув массовое движение под боевым девизом —

-ЭНТУЗИАЗМ И ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ!

ственниками. Хотя порой многие дальнейшие попытки действительно уходят, как вода в море, — этот четвертый фактор, единственный залог практики, — все-таки они заражаются отнюдь не из нее. Жизнь требует, чтобы качество продукции, выпускаемой нашей промышленностью, неуклонно повышалось. И большинство из предшествующих починовников разделяет эту точку зрения и делает эту сложную задачу. Надо сказать, что львовская система вовсе не отрицает прежние методы, а развивает их. Она взяла все лучшее, что было в них заложено, творчески переосмыслила и пошла дальше.

— В чем выражалась качественный шаг передвижения?

Прежде всего в компонентности. На львовских предприятиях высокие показатели качества закладываются, начиная с проектирования новых видов продукции, что обеспечивает уже на этой стадии их соответствие требованиям высокого качества. В дальнейшем, проявляясь в различных отраслях, эти показатели выдерживаются на всем пути выработки изделий — от заготовки до выпуска. При этом требование высокого качества предъявляется не только на каждом участке в технологической цепочке производства. Оно в равной степени относится к организациям промышленных учреждений и к инженерным институтам. Проводятся работы по уменьшению влияния субъективных факторов на ход технологических процессов. Механизмизируются вспомогательные работы, развиваются метрологическая база и средства контроля, внутрениза-

вовская аттестация качества, поддерживается на должном уровне технолого-техническая и трудовая дисциплина?

— Иными словами, эта система комплексно увязывает между собой технические, экономические, социальные и организационные мероприятия?

— Да. И это не единственные отличия. Вся производственная практика — от проектирования до выпуска — опирается на стандарты, что она базируется на стандартах предприятий, разработанных в полном соответствии с государственными и отраслевыми стандартами. А стандарт — это закон, и его выполнение обязательно.

Заводские стандарты регламентируют различные виды производственных, технических и экономических мероприятий, направленных на повышение качества выпускаемой продукции, устанавливают порядок действий и ответственность каждого исполнителя в работе по достижению высокого технического уровня налаженности производственного процесса.

Стандарты на сырье, продукцию, технологию какого-то процесса — это пустяк. Но стандарты на организационные мероприятия... Одним из них является то, что в течение трех лет, когда отрабатываются новые технологии, проводится целенаправленное, прежде всего практическое, изучение и поиск наиболее оптимальных вариантов организационных же мероприятий,шел поиск наиболее четких границ ответственности исполнителей в зависимости от их рабоче-

го места в общей системе производственной

— Да. Причем это не только новшество ответственности каждого работника, но и значительно упорядочивает дело. Образно говоря, нет нужды всякий раз искать, где что лежит, кто что отвечает. Заранее известно, кто, что и как должен делать. И если в деле включаются другие люди, или говорят: «Давайте внести изменения», то это поможет новичкам быстрее включиться в работу и выполнить ее высококачественно. Каталог, в котором: проектировщик, Каталог, в котором: проектировщик, — всегда доставляет производству все необходимое, никакие изменения не требуются. И если рабочий — хорошо выполнить смелые задания. Все это ясно. Но понятие «хорошо» не имеет четких границ. Хорошо для снабжения, когда производство не лихорадит от недостатка сырья, когда снабженческие службы обеспечивают ритмичную работу в течение всего месяца без штурволов и спасов. Конечно, надо стараться выигрывать свои «чертежи» так, чтобы выпущенная по ним продукция была высокого качества...

— А директор предприятия должен так организовать работу всех служб, чтобы их деятельность наилучшим образом способствовала выпуску высококачественной продукции?

— Разумеется. И хотя в этом, казалось бы, нет ничего нового, тем не менее оно есть: качественные показа-

тели труда каждого работника четко определены, и оптимальные его параметры застендаризированы.

— Но ведь в производстве в наших производственных цехах участвует множество рабочих, у которых

— В своем время мы упомянули только ту технику. Нам казалось, что новые высокопроизводительные и современные способы производства требуют в нашем новую машину — разве все сила машины сработает. Новая машина превращалась в фетиш. И часто оказывалось, что она не давала желаемого результата, т. е. производительность, которой мы от нее ждали. А техники, которые были более эффективны, потому что требовали низкой производственной психологии, перестраивали весь производственный процесс. Она дает максимум только в новых организационных условиях. На новые станины нельзя перейти со старыми представлениями о производстве.

— Как подтвердилось, это пришло к тому, что производители улучшили качества продукции на львовских предприятиях?

— Львовская система помогла мобилизовать скрытые ресурсы предприятий и позволила повысить качество готовой продукции только счет организационных факторов, без дополнительных капитальных вложений.

— Какие, на ваш взгляд, примеры наиболее ярко демонстрируют это?

— На заводе кинескопов № 50 — производство готовой продукции стало выпускаться с государственным Знаком качества. Раньше такую высокую оценку получало не более 10 процентов кинескопов. Затем — появление, что и линейка процентов — тоже хороший результат. 59—60 — это просто блестящее достижение.

— А что такое кинескоп с государственным Знаком качества?

— Это значит, что его долговечность повышалась с 1500 до 3500 часов. Ярость борьбы за улучшение качества сам может оценить темпы прорыва львовских кинескопов. Кстати, на зарубежном рынке спрос на них значительно вырос, что оказалось на

ступени

КОМСОМОЛЬСКАЯ ГАРАНТИЯ

Анатолий БАРАНОВ,
специальный корреспондент «Смены»

Брак — это враг, — четко сформулировала Дарья Лесик, член комсомольского поста качества в тресте «Днепропетровсктехникомплект», председатель объединения «Электрон». — Мы не имеем права пропустить его на наш участок и выпустить со своего. Поэтому, наверное, мы в чем-то похожи на пограничников.

— Представляете наше Оружие в походах? — сквачился за живот Богдан Лисинский. И показал Даще Лесик, как можно было пристроить краину из фанеры. Богдана никто не подозревал. И он, будто подавшись, смешком, умолк на самой высокой ноте и скончался посмотрят на товарищей. — Конечно, плох, если брак получается. Но лично я, например, стараюсь...

— Не ты один. Все стараются, — перебрал его коллега Алексей Клоков.

В том-то и дело, что все стараются только для себя. А нам надо стараться за себя и за участок отвечать, но и за весь цех, за все объединение — выступила Дашик и, словно утилизировав эту мысль, тихо пояснила: — Так и в университете говорят.

В комитете комсомола объединения мне подарили программу занятий комсомола для студентов факультета деревообработки и деревоизделий факультета городского народного университета технических и экономических знаний. Программа была солидна. Только перечень тем занимал в ней три убористых машинописных страницы. Желающих поступить в это отделение было, наверное, не меньше, чем на актерский факультет ВГИК. Городок конкурса, естественно, не устраивал, подобрав только аудиторию поместившуюся в и драматии она все же заполнила до отказа. И вот-такими самими же руками для заметки бы всех молодых рабочих, инженеров и конструкторов, увлеченных проблемами управления качеством. Поэтому и появились в системе комсомольской учебы кружки, где изучают основы управления качеством. Работают такие кружки на всех львовских предприятиях, и занимаются в них члены комсомола, инженеры штабов, мастера производственного обучения, преподаватели курсов КСУП. Эта аббревиатура ющая в сплошной запасе многих производственников еще в девяностом пятилетке, а в связи с особенностями национализации получает все больше и большее распространение. И эта популярность вовсе не связана с модой («Теперь все это носят!»). Она результат всеобщего признания КСУП.

Комплексная система управления качеством продукции разработана в Львове, но она вобрала в себя все лучшее, что национализировано многими промышленными предприятиями страны по управлению качеством. Этот опыт львовцев и свели в систему, подведя под нее основательный фундамент — стандарт. Буквально вся деятельность работников — «Электрон» — от разработки новых моделей телевизоров до взимающихся с торговым серединой цен на различные изделия предприятий. Некоторые из них более жесткие, чем государственные. В обладательстве разработано и внедрено 145 стандартов, из них 110 — по управлению качеством продукции.

Кабинет качества объединения одновременно похож и на музей, и на учебную аудиторию, и на технический кабинет. Здесь и Книга почта, куда заносится имена лучших рабочих удостоенных звания «Отличник качества», и многочисленные приборы, способные быстро и точно проверять качество телевизоров по множеству параметрам, и различные схемы. На одной из стен — изящно выполненные дерево стандартов,

по которым легко установить «родословную» комсомольских постов качества.

Вот и сейчас краиной виточки мы и скрываем, — улыбнулся мой коллега Богдан Клоков, регулярноющим подиумы цеха, — руководитель комсомольского поста качества в третьем цехе, собирают цветные телевизоры. — Как видите, даже стандарты предприятий учитывают значение наших постов.

Комсомольские штабы и посты качества привезены содействием областного комитета комсомола, который передал им оборудование — давать продукции большего качества, с меньшими затратами. У постов качества много прав, но и обязанностей не меньше. Они проводят лекции и проверки по соблюдению технологической дисциплины, следят за организацией материально-технического обеспечения, возглавляют соревнование младежи за право работать с личным клеммом или на самоконтроле, создают комсомольские группы передового опыта, составляют материалы к регулярно проводимым «дням качества», анализируют причины брака и рекламации и даже контролируют контролеры.

Несколько лет назад местные социологи распространяли анкету среди сబорщиков телевизоров. Был там и такой вопрос: «Что вам мешает работать без брака?» Ответ был разнообразен. Одни ссыпали на недостаток времени, другие рассмешились, а других заставили задуматься, искать пути улучшения службы ОТК и частичной передачи функций контроллеров самим рабочим. И ничего в этом нет удивительного, как правило, сబорщики и регуляризаторы значительно квалифицированнее, нежели контролеры. К тому же многие из них, прежде чем получить удостоверение регуляризатора, сами работали контролерами.

— Многие были контроллерами, получили уроки такой путь, — говорит Клоков, — и считают должность контролера посмеюточной ступенькой между слесарем и регуляризатором.

В этом предложении, возможно, есть радионишнее зерно, но не думаю, что следует вводить его в правило. Те, кто все еще размышляет над ответами той давней анкеты, в общем-то уже наметили пути совершенствования контрольной службы. Правда, это не всегда просто. Служба должна быть настроена на проверку телевизоров на автоматическом контроле, то есть на проверку телевизоров современными приборами, и второй, как теперь признаю, наиболее перспективный — самоконтроль.

Вначале на самоконтроле перевели самые опытных рабочих на участки проверки блоков. Обладатели личного клемма неожиданно стали своеобразными кандидатами на развитие соревнований по качеству.

Если бы вспомнить, как нас разогрелося тогда соревнование за право перейти на самоконтроль, — вспоминает Мария Загоцкая, в обязанности которой входит проверка блока радиоканала. — Каждый старался доказать, что может работать быстро и качественно. Доказывали, естественно, делом. Тогда кое-каждый рабочий на нашем комсомольском молотке успел увидеть свою обладательницу личного клемма.

Теперь, конечно, якорь этого участка перешел на самоконтроль, — говорит Клоков.

Участок, где он работает, расположены в центре сквозного цеха. И по технологии он центральный. Главное здесь — многоэтажная линия термоэлектропрограмма, или «адская дорога», как в шутку называли ее рабочие, на которой в течение шестидесяти часов проходят свой первый экзамен только что собранные телевизоры. Выполненные вручную, они поступают на «лечебные» к регуляризаторам, а испытанные продолжают свой путь на участок второй настройки. Еще

ЗАСТАВА В ЦЕХЕ

«РОДОСЛОВНАЯ» ПОСТА КАЧЕСТВА

ФУНДАМЕНТ МАСТЕРСТВА

ТЕЛЕВИЗОРЫ НА «АДСКОЙ ДОРОГЕ»

РАБОЧИЙ ЗА ПРИЛАВКОМ

УМНОЖЕНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

ЭРГОНОМИКА РАЗРАБАТЫВАЕТ СИСТЕМУ «ЧЕЛОВЕК—МАШИНА».

Алексей ВЛАДИМИРОВ. Фото Альберта ЛЕХМУСА

Дизайнер. Законного своего места это слово не успело пока занять и в новейших толковых словарях, но винить лингвистов в отсутствии мобилиности было бы преждевременно. Совсем еще недавно, рассказывая о дизайнерах, мы поставили бы эту корреспонденцию под рубрику «Герои профессии». А наше поколение, будущее будущего дизайнера, употребляя современный термин, завоевавший позор гражданиства, оказалась необходимой едва ли не во всех сферах нашей жизни.

НЕПРЕЛОЖНЫЙ ЗАКОН СОВЕРШЕНСТВА

Но обрада, на то особого внимания, мы ежечасно имеем дело с плодами творчества дизайнера. Утюг, который по гладильнице, сегодня выглядит так же, как и вчера, вот тот, что господствовал в нашем хозяйстве лет десять назад, кофеварка того же года рождения кажется чуть ли не анхронизмом, а машинка, на которой пишутся эти строчки, даже отдаленно не напоминает громоздкого сооружения, каким приходилось пользоваться во времена, от нас еще очень близкие, когда эти вещи по-прежнему выполняли то же функции, они стали иными. Иными их сделали дизайнеры.

Легко убедиться в этом, побывав в специальном художественно-конструкторском бюро. Но если спросить, чем собственно занимается это СХБ, нам будет грустно ответить, что оно занимается тем, что никак иначе чем оно не занимается?

В московской лаборатории, руководимой выпускником Строгановского училища молодым дизайнером Ефимом Новиковым, — детский эссе о том, каким может быть изделие, которое здесь «работают». Но оно не обладает, само по себе ясома интуитивное, а разнообразие продукции: торговые автоматы для продажи горячих соков, склонокуборочная машина и бургундийки, система механических аттракционов для парков культуры, спорта и отдыха, а также кухонные приборы и сенсоры, унифицированный комплекс для предприятия общественного питания... Но ограничит дальнейший этот перечень обикновенной миссиирукбокой, как предметом хороши знакомы и привычны.

Впрочем, последвшие эпитеты «обикновенные» и «привычны» не должны заставить нас отбросить, чтобы не вводить читателя в заблуждение. Примечательно и знакомо здесь, пожалуй, одно название, ибо уже техническое задание, полученное дизайнерами, требовало спроектировать аппарат, который, кроме функций миссиирукбоки, справлялся бы со множеством других задач. И в результате получился прибор, наконец-то быта, в данном случае дизайнера предстояло найти принципиально новое решение технической задачи. Ход художественно-конструкторских поисков был, не прям, был долг, но он привел к отправной идеи, которая предполагала создание единой универсальной машины для различных видов деятельности ее использования. В конечном счете идея воплотилась в эскиз, чертеж, макет... И наконец промышленность получила универсальную систему приводов, где к одной части с мотором пластически разноцветные дополнительные насадки миссиирукбоки, шинкошки, сокомимикаты... впрочем, должно быть, всего, что необходимо на кухне каждой хозяйки.

Но утюг, кофеварка, миссиирукбока — все это вещи однажды, нашего быта, который дизайнер и призван совершенствовать. К этому мы если и не привыкли, то настолько уже привыкли. Огромное значение имеет любопытство современного дизайнера во всем ее объеме, говоря лишь об эстетике быта, уже невозможно. В том же лаборатории мы видели в работе вещи, не только никакого отношения к быту не имеющие, но которые вообще трудно увязать с действительностью.

Известно, например, что скрепер — машина, предназначенная для разработки, перемещения и разгрузки грунтов. В чем состоит роль дизайнера, участвующего в создании одной из модификаций этой машины? До посещения лаборатории мы представляем об этом, как и о большинстве других машинах, просто весьма ограниченным: сделать машину козловой, отвечающей современным эстетическим нормам. Здесь мы убедились, что такой взгляд не идет дальше детской присказки: «Что на нас стоит дом построить — нарисуем, что на нас стоит машина — скрепером!» — вспомнили мы, как и попытка организовать поле деятельности современного дизайнера двумерным пространством чертежного листа. Линии, форма, гармония, чистота эстетики — это многое, но далеко не все. Здесь, в лаборатории, в основных только звеньях мы прошли путь от идеи к ее реализации, которую драматично был выстроить и решить, даже еще проще, чем государственная комиссия рекомендовала машину к производству и проект принял завод-изготовитель.

ПОКА ЭТО ТОЛЬКО МАКЕТ.

МАШИНА ПОЛУЧИЛА ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЗНАК КАЧЕСТВА — ДЛЯ ЭТОГО МНОГО ПРИШЛОСЬ ПОРАБОТАТЬ И ДИЗАЙНЕРАМ.

Работы художника начинаются с обра-за — это эстетический импульс. Но дизайнеру первая мысль об образе будущей машины сразу же должна превратиться в реальность по мере разрешения мыслящих в архите-ктурной прогрессии. На бумаге с каранда-шом в руках художнику сравнительно просто было решить, что привлекательнее в совре-менной дорожной машине — плоские, обтека-емые или угловатые, прямые формы. Но дизайнер — это художник-реалист, если и не по темпераменту, то по своим практическим творческим способностям. Он художник вещей, изделий и потому уже не может представить художе-ственны образ безошибочно привязано к техноло-гии производства. Дизайнер обязан учиты-вать, что каждая техногенеза обладает своей, только ей присущей спецификой: у сварки одни специфические формы, литья — други-е, у штампов — третьи. Так же в процессе проектирования особенности технологии оп-ределяют художественный образ. Но это не все.

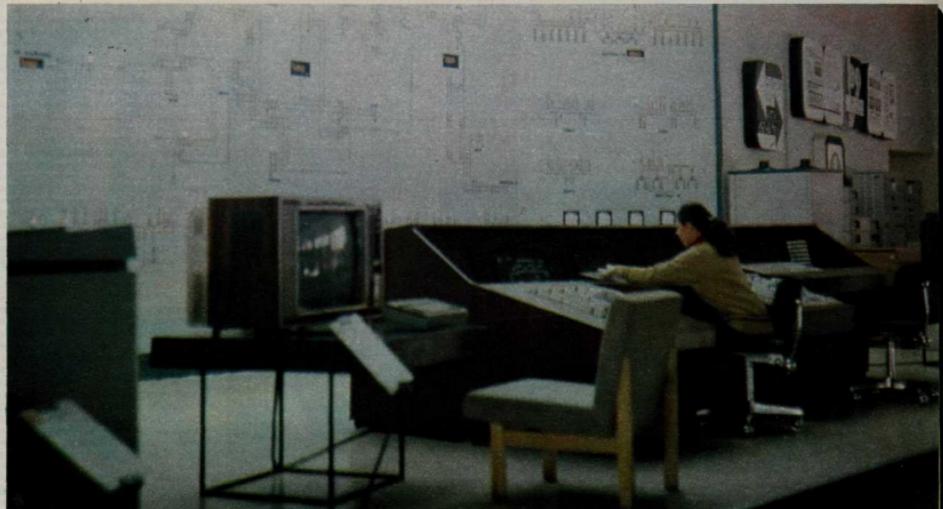
Пусть в данном случае дизайнер может позволить себе исходить из прямых, четких форм, к которым тяготят современные эсте-тику, и этим создать красивый, гармоничный образ машины. Но это не значит, что с выставочным экспонатом, на этом можно было бы успокоиться. Но дизайнер имеет дело с машиной, на которой предстоит работать людям, а здесь такие формы могут стать причиной ушибов и других травм. Так возникает новая проблема: нужно искать оптимальные радиусы округлений, чтобы избавить ма-шину от опасности человека, но не помешать с современным художественным образом машины.

Решение найдено, но появляются новые задачи.

Мы привыкли думать, что окраска — дело десятое, достаточно, мол, найти хороший цвет. Дизайнер мыслит иначе, исходя из того,

РАБОТА ХУДОЖНИКА ВСЕГДА ВЫЗЫВАЕТ ЛЮБОПЫТСТВО.

ПУЛЬТ УПРАВЛЕНИЯ ЕДИНОЙ ЭНЕРГОСИСТЕМОЙ.

что нет хороших и нет плохих цветов. Есть некрасивые для человека цвета и хорошие. То что краска должна быть не просто красной, но и функциональной—это правило для дизайнера в ранге закона. Ведь речь идет о машине, которая управляет человеком. Поэтому краски кабинетов следят окрасить в светлые тона, чтобы уменьшить нагревание солнечными лучами. Цветом необходимо показать, что это не просто машина, а ее части машины и ее вращающиеся детали... В конечном счете все это, вместе взятое, облегчит соблюдение тюхонки безопасности.

По недавним требованиям роль художника в создании машин на этом завершалась. Но сегодняшний дизайнер должен «демкнуть в голову» еще одну сущность машины. Помимо основы эргономики, новой науки изучающей взаимосвязь человека с окружающей средой, в данном случае с машиной. Неукоснительное соблюдение законов эргономики—обязательное условие, ибо здесь вступают в силу другие, не главные задачи современного дизайна, связанные с гуманизацией человеческого труда.

Само собой разумеется, что человек, работающий на современном скрепере, должен находиться в кабине, которая отвечает всем уровням комфорта: отличная круговая обзорность, конструкция кабин, удобство сидения, регулировка сидения, учитывающая не только рост и комплекцию водителя, но и интегральную привычку сидеть. Это алфавит и омега проекта. Но дизайнеру предстоит решить и более сложные вопросы. Он исходит из эргономического закона о том, что приспособляемость человека к специфике машины всегда зависит от того, каким образом он использует ресурсы организма. Следовательно, в кабине нужно создать условия, которые предъявляют наименьшие требования к приспособительным механизмам водителя. В нашем примере конкретная задача дизайнера состояла в следующем: создать удобную систему рычагов управления с таким расчетом, чтобы внимание водителя в кабине сосредоточивалось на минимальном времени в реакции на любую рабочую ситуацию (с учетом и аварийной) следевши мгновенно. Кроме того,

ОДНО ИЗ МНОГОЧИСЛЕННЫХ ИЗДЕЛИЙ МАСТЕРСКОЙ

дизайнер добивался, чтобы все мускулы Авиакосмической элиты при управлении скрепером вели за себя минимум утомления.

Поиски сопровождались десятками опытов с моделями и людьми, составлением специальных эргономических таблиц, с помощью которых рассчитываются теперь оптимальные варианты взаимосвязи человека с машиной. Итак, этот вариант было найдено главное—то, что называют человеческим фактором машины.

Человеческий фактор машины. Непривычная пока что терминология определяет сейчас важнейший направление нашего дизайна, связанный с гуманизацией труда. Идея требование подчинения создания не только отдельных больших и малых изделий, но и целых промышленных комплексов. И здесь серьезная роль принадлежит дизайнеру. Если прежде он стремился лишь к тому, чтобы

ОДАЛ ПРОМЫШЛЕННЫХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ИНТЕРЬЕРОВ.

КАЖДОЕ НОВОЕ ПЛЕНИЕ ТРЕБУЕТ ТИАТЕРНОЙ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ РАЗРАБОТКИ.

человек работает в эстетически совершенной обстановке, то дизайн мысли и практика дизайна могут развиваться в саму сферу человеческого труда.

В лаборатории СХКБ, также руководимой молодым дизайнером Владимиром Черновым, мы познакомились с проектом (проект здесь для памяти, потому что это уже реальность) комплекса машин и оборудования для Московской опытной сборки и испытательного цеха завода в Чертаново. Концептуальный элемент этого огромного промышленного комплекса создавался при непосредственном участии дизайнеров. Различное по своему назначению и виду оборудование дизайнеры проектировали с расчетом на единное зрительное восприятие в производственные помеще-

ния. Именно художники нашли элементы в конструкции, способные упростить их конструирование, используя разрывы взаимозависимости деталей и механизмов... Согласитесь, несколько лет назад такое звучало бы по меньшей мере фантастично.

Сейчас это реальность. Общественная роль дизайна стала настолько широкой, что, определяя поле его деятельности — от мясорубки до фабрик — мы не погрешим против истины, даже в малом. Но дело не только в этом.

Интересно осмыслить саму природу этого кажущегося неожиданным прогресса. Дело в том, что столь стремительная метаморфоза некогда редкой профессии нельзя считать явлением случайным или стихийным. Воле-

дизайна, произведенный им широкий общественный резонанс вполне обясним. Корни этого лежат в самой природе нашего общества, в его поступательном движении в развитии производства, в росте благосостояния советских людей. Десятилетия — пятилетка качества и эффективной работы. Вот почему так резко и значительно выросла роль художников и конструкторов вещей, а художественное конструирование оказалось сегодня на переднем крае всех производственных задач. И не случайно, конечно. Этика качества на любом изделии, выпускаемое нашей промышленностью, уже несет получить без пологотливого заключения дизайнеров в лице специалистов Всесоюзного научно-исследовательского института технической эстетики.

ЗДЕСЬ СОЗДАЮТ ВСЕ — ОТ МЯСОРУБКИ ДО СКРЕПЕРЯ.

пронiformировала чехословацкую общественность о результатах своей работы.

Павел — молодой человек, ему 30 лет. И наша беседа строится в расчете на тех читателей, кому сейчас столько же лет, сколько было Минаржiku, когда он приступил к выполнению своего задания.

Это было семь лет назад.

Как членом становился разведчиком?

Для того, чтобы избежать неточности, сразу замечу: разведчиком я стал не в сентябре 1968 года. Началом можно считать год призыва в армию; было мне тогда 19 лет. Но я не был разведчиком в обычном, не хотелось бы распространяться на этот счет: я начал с определенного знания, на службе есть придрожник, есть и воинородные помышления. Знание капитана я получил по возвращении. В 23 года я им, естественно, не был.

Был ли связанным характер ваших прежних занятий с будущей деятельностию?

Всегда подводка, все мое обучение — это длительный процесс и, конечно, секретный. Я приобретал знания, о которых в моем окружении никто не знал, кроме товарищней, готовивших меня. Этими семи годами предшествовали четырьмя года трудной работы, но одновременно я жил обычной, нормальной жизнью, утверждая среди окружающих свою личность.

29 января 1976 года на пресс-конференции для чехословацких и иностранных журналистов, аккредитованных в Чехословакии, выступил капитан Павел Минаржик, офицер чехословацкой разведки. 3 января нынешнего года он был еще в студии радиостанции «Свободная Европа» в Мюнхене, откуда дал свою последнюю передачу.

Материал передан в «Смену»
редакцией чехословацкого
журнала «Млади свет».

А какова была ваша «легенда»?

Я из Брюно, после окончания девяностятой школы выучился на монтера, затем ходил в вечернюю среднюю школу. В 13 лет «заболел» театральным речью, стал актером или режиссером. В 18 лет я решил стать актером и поступил в театр в городе Градец-Кралове в качестве стажера. До этого я уже играл в любительских спектаклях и даже подавал остроумные рецензии. Например, в Театре братьев Миртишек в Брюно. В Градец-Кралове я готовился к учебе в Академии музыкального искусства имени Ианчека. Но вот пришла проверка, и меня призвали в армию.

По совету друзей я участвовал в конкурсе на радио Брюно. Хотел бы сейчас подчеркнуть: успешное участие в конкурсе — результат моего труда и моих усилий, оно никак не связано с проездящей министерством внутренних дел, которое где-то «назначило» что-то «подпольщику». Это может показаться и моим подготовка к экзаменам. В качестве директора я проработал на бринеском радио до сентября 1968 года.

Я был обычным молодым человеком, да и я должен был им быть, принимая во внимание свое предстоящее задание.

Из какого места вы начали подготовку? Что в вас изменило? Кто, скажем, решалась проблема языка?

Из небольшого занятия гостиницы испанского Дворца «Свобода» радиостанции «Свободная Европа» и «Ригада». Ригада Кука и узнал, что Минаржик, оказывается, не мог им с комом облечься ни по-немецки, ни по-английски.

Для изучения языка я был направлен в ГДР, где должна была строиться с учетом тех возможностей, которыми располагает обычновенный молодой человек. Конечно, я не мог владеть всеми языками мира. Я знал русский, был для моего уха привычен и немецкий — долгое время в семье, когда от меня требовали говорить на немецком языке, я говорил на немецком. Да и сам я всегда говорил на немецком языке.

Но практический владел только чешским и русским. Как любой человек может поклониться.

Для разведки эта была не первый вариант?

Разумеется. Поэтому после приезда в Мюнхен я сразу же занялся немецким языком. Продолжал изучение курса немецкого языка, который в моем окружении спрашивал, конечно, настолько быстрее. Это был первый шаг. В 1970 году было решено, что мне необходимо заняться английским. С этой целью я выехал на следующие трехмесячные курсы в Англию. По окончании курсов преподаватель, выдавая мне так называемый сер-

тификат и поздравляя меня, сказал, что я без опасений смогу жить в любой стране с английским языком. Затем я вернулся из английского окружения в немецкое, но и сегодня могу говорить, читать и писать по-английски. Поэтому я с интересом прочел, что говорит обне мистер Кук, с не меншим интересом читал и его документы на английском языке.

В 19 лет на работе разведчика складывались самые различные представления. Что вас побудило принять такое решение? Убеждение? Стремление к приключению?

Всё это было сложно. К примеру, с детства и очень любил слушать различные зарубежные радиостанции. Люблю все, что можно было поймать по старому «Телескопиум» тридцатых годов. Этот прием я даже несколько усовершенствовал. И по сей день мне жаль, что пришелся с ним расстаться. Как, например, и со многими другими вещами, которыми я любил. Досадно, хотя порой эти были...

Изтак, что касается решения. В какой-то период содержание зарубежных передач стало мною настороживать. Я начал задумываться над ними. Многое из того, что слышал, не оставляло меня равнодушным, а порой возмущало. Постепенно стало складываться свое отношение к миру, к событиям, происходящим на планете. Я понимаю, что многих в этом отношении было наивным: едва ли у человека в 17

лет может быть своя конкретная и верная позиция по тому или иному вопросу. Но чувствовать он может. Он может оценить то, что прекрасно, что хорошо или дурно. В те годы у меня был приятель, почт. брат. Мы часто спорили на темы «коммунизм — некоммунизм», «демократия — недемократия», «восточный Европа — западная Европа». И в голове не могли находиться некоторые идеи, которые я пытался тогда своим товарищам. Они с интересом все это читали, и однажды мы пришли к выводу, что эта работа могла бы стать предметом самого серьезного увлечения, а может быть, и цели всей жизни.

Мне надо было побороться. Мне скажут, что пытаться и это решение спокойно. Может быть, еще и потому, что был чрезвычайно болезнен. Мне интересовало абсолютно все.

И все же в какой-то момент мы должны были походить на членов, но умеющих плавать и окунуться в глубину, глубину смысла. Помогли ли вам знания, полученные в литературе?

— Не знаю. Нет, не думаю. Деятельностью, и с малых лет увлекалась литературой о шпионах, верность этому увлечению сохранилась и сегодня. Хотя я, конечно, и разбранила — отдал предпочтение политической литературе. Потом я вижу, что все предстает в очертаниях политики, но у меня есть право Большую роль в моем израившемся становлении сыграл и автор Дороге... После каждой захватывающей книги передо мной встала огромная звезда, к которой я и устремлялась. Я говорила себе, такой человек должен быть поистине цивилизованным.

Вы один из немногих, кто может сказать, достоверность и соответствие образа разведчика литературного с разведчиком, действующим в жизни. Хотите воспользоваться случаем?

— У меня, конечно, есть на этот счет своих точек зрения: в исходе существовали выдающиеся личности Франц Абель, которого я особенно глубоко ценил иуважал.

И, конечно, увлекательно смотреть фильм про агента, который обязательно ходит с подиантным воротником и у которого все так благополучно складывается. Он счастливо избегает любой опасности, не теряет времени на обдумывание.

На мой взгляд, работа, связанные с обеспечением безопасности родной страны, может быть успешной только в том случае, если эта работа колективная. И хотя за пределами родины находятся одни люди, он представляет большой коллектив людей. Он информирует своих товарищей, а они должны все

Eсли бы на Западе не действовали организации, угрожающие миру и безопасности в Европе и других районах земного шара, не было бы и необходимости в разведке.

Павел Минаржик начал свой путь в Вене и сентябре 1968 года. Контакты с радиостанцией «Свободная Европа» в Мюнхене установил через агента ЦРУ, бывшего руководителя чехословацкого отдела «Свободной Европы» Юлиуса Фирта. Для встречи с Фиртом в Мюнхене были подготовлены меры, которые неизвестны. Фирт, в свою очередь, встретился с Юрославом Пехажеком, бывшим в то время руководителем чехословацкого отдела радио станции «Свободная Европа». Пехажек предложил Минаржику место директора радиостанции.

За сентябрьский разговор на «Свободной Европе» Минаржик собрал большую материальную подтверждение,

что в деятельности радиостанции подыркала пропаганда искажением занимает важнейшее место.

В то же время «Свободная Европа» выполняет функции руководящего центра эмиграционных организаций, групп, союзов, координируя их деятельность, координируя работу в группах, координируя политическое единство.

Под защитой радиостанции «Свободная Европа» действуют, в частности, такие эмиграционные организации, как «Чехословацкий консультативный совет в Западной Европе». На «генеральной ассамблее» этого «совета» 9 ноября 1975 года его задачи были сформулированы следующим образом: «Ревизионистские границы, то есть возврат к границам 1937 года, и включение Чехословакии в так называемую «европейскую» уникуму».

Павел Минаржик со всей ответственностью заявил, что различные фразеологии реорганизации структуры Чехословакии не являются общим языком общественности. ЦРУ призывает к удержанию в них своих позиций. Агенты ЦРУ и по сей день занимаются на радиостанции «Свободная Европа» руководящие посты. ЦРУ через своих людей полностью контролирует деятельность радиостанции, определяет программы передач, работу филиалов в Париже, Риме, Брюсселе и в других странах. Среди приводимых ими неизвестных сотрудников ЦРУ, сотрудниками военной разведывательной службы «Джэ-2», Минаржик привел конкретные фамилии самых ответственных агентов.

Капитан Минаржик выполнил свое задание и

собранные им сообщения привести в порядок, разобраться в них. Я счастлив, что за меня стала опытный коллега, счастлив, что работал с людьми, которые прекрасно мне помогали.

Но я решительно против, чтобы из меня сделали литературного героя типа капитана Клосса с его неизвестностью. Я действительно работал с целым коллективом людей, выполнив конкретное серье-зное задание и определенную программу.

— Может ли ты уточнить, с каким заданием вы уезжали?

— На радиостанции мне предстоило найти, угадать нужных людей, выступить в контактах прежде всего с работниками ЦРУ, которые были и остались на «Свободной Европе» в сегодняшнем. Изучить все, что с этим связано, познакомиться со всеми формами работы, выполненной «Свободной Европой».

Что создавало для вас наибольшие трудности?

— Мой отец может прознать неправдоподобие... Как диктор радиостанции «Свободной Европы» я выполнял обязанности, с которыми был достаточно знаком. Дикторской профессии я овладел в Бонне, где учился в университете. Но я говорил на всех диеторских трюках, во всем том, что относится к сверхтехникам этой профессии. Мне знакомы тайны офорсации — науки о производстве. Когда будет время, хотел бы заняться ею серьезно. Ведь я так люблю родной язык...

относя. На вопрос, сколько ему лет, он ответил: «Франц уча воинами» (бывший пленник). На этом судьи отразили испуг. Но дело вовсе не в том, что господин Беллущ, волнился, несколько перебрал. Просто он не знает, как надо отвечать. Затем призвали переводчика, который переведет ему суть дела на английский. А господин Беллущ отвечал на своем индийско-английском языке. Судья, отлично владевший английским, смеялся до слез. Вот как ворчал.

Можно ли, принимая все это во внимание, асервировать, что такая радиостанция передает «свою достоверную информацию» для «награжденных и закаленных народов»?

— Означает ли это, что таких угрожают всем рабо-там? Так ли это?

— Кто знает об этом сказать нельзя. Есть,

на радиостанции «Свободная Европа» несколько

очень умных людей. И это делает их опасными. Но

во главе обязательно будет стоять круглый болван. Почему? Он добен.

— Что вас интересовало на радиостанции «Свободная Европа» с точки зрения выполнения вашего задания?

— Я должен был собирать всевозможные материалы. Это могло быть не только суждение тех или иных лиц, но иногда, казалось бы, и совершенно не близкими людьми. И это делает их опасными. Поэтому обязательно будет стоить круглый болван.

Что создавало для вас наибольшие трудности?

— Мой отец может прознать неправдоподобие... Как диктор радиостанции «Свободной Европы» я выполнял обязанности, с которыми был достаточно знаком. Дикторской профессии я овладел в Бонне, где учился в университете. Но я говорил на всех диеторских трюках, во всем том, что относится к сверхтехникам этой профессии. Мне знакомы тайны офорсации — науки о производстве. Когда будет время, хотел бы заняться ею серьезно. Ведь я так люблю родной язык...

шатель ту или иную песенку. Другое же — их никаково мало — адресуют в музикальную редакцию с целью написать под рецензию Стотия «Свободной Европы» — запускают тем, что я могу наделать неприятностей ее слушателям. Это ложный прием. Мы ставим цель причинить неприятности молодому человеку, который по неразумению напишет о понравившейся песенке. Это неходит в задачи нашей работы. Самого того, кто пишет, мы, конечно, хотим в разоблачении привести «Свободной Европы». Я хочу обратить внимание на то, какими методами ведется работа с письмами слушателей, в каких целях они могут быть использованы. Использованы не только письма. Но и сами слушатели.

— Может ли вы привести какой-то конкретный пример?

— Я познакомился с одной молодой девушкой, которая эмигрировала в Южную Корею. Однажды она рассказала мне, что в Чехословакии слушала Розину Янру-Покорну, даже записывала ее. Я был весьма удивлен, потому что девушка была образована и интеллигентна. И я нашел карточку на ее фамилию. К ней были приложены письма, распространяющие информацию о том, что девушка работает в экспортной фирме, в таком-то отделе. В перспективе возможен выезд за границу. Примечание — поддер-живать контакты.

Я спросил у девушки, слушает ли она «Свободную Европу» и твердо, в Мишеле. Она ответила: «Не знаю, кто это, но я слушаю».

Ее судьба достаточно показательна. Когда она приехала в Мишель, то попала к Розине Янре, представляемой ей. Тогда она еще не хотела эмигрировать и искренне сказала: что не знает, как ей быть: на родине она разочаровалась в любви, стоит ли ей возвращаться? Янра на следующий же день начала искать ей работу и фактически убедила эмигрировать.

Этой девушке живется довольно горько... Она одиночка.

— Кто такая Розина Янра-Покорна?

— Только констатации, никакого преувеличения: это тяжелая алогочница. Раньше она в день выдавала двадцать писем комикса, теперь же пишет пятьдесят писем, плюс письма любовника. И с этим «зарядом» она идет к микрофону. Я вспоминаю, как она передавала пожелание одному молодому человеку по случаю его свадьбы. Это была грустная комедия. Янра на следующий же день написала ей работу и фактически убедила эмигрировать.

Я спросил ее почему. Ну, чтобы и пить, и спать, и пластина.

И не было врагом, чтобы определить: она страдает душевным расстройством, и ее скорее следует отправить в соответствующее лечебное заведение, чем подпускать к микрофону...

— Что о ней говорят руководители?

— Ничего. Ее работа — лишь еще одна иллюстрация того, что в мире есть много странного. В сущности, мы должны бы были написать, чтобы не подобало радиостанций в течение двух-трех лет. На середине радиостанции этого бы произошло не могло.

— Вы называли имя Карела Единского. Вы хотели сказать, что он умер?

Единский относился к той горесте професси-оналистов, которые хотят как-либо разбрасываться в специфике радио. Недавно, так называемые «оппозиционеры из Праги» заявили ему, что он не должен оставаться на «Свободной Европе», если отдает себе отчет в том, что это, собственно, за учреждение. Но Единский заявил, что это учреждение во всем. Он верит в тех людей, которые пишут эти письма. Во многих, гражданских письмах появляются какие-то новые неблагодарные выражения, которые, конечно, это вкусы, взгляды на жизнь. Время идет, и некоторые корреспонденты прекращают в источниках информации, а сам автор — в информатора, который, конечно, как правило, это и не понимает...

— Но продолжает и сегодня еще писать на «Свободной Европе»? И с какой целью это делает-ся?

— Виновен ясность, чтобы не возникло ошибочно-го представления. Все передачи «Свободной Европы» имеют большой резонанс. Подобных писем не так уж много.

Слушателей, которые пишут на «Свободную Европу», можно разделить на две группы. Одни действительно пишут по наивности, чтобы услы-

дили... Так о трудности... «Главней» — никто из моих «коллег» не должен был восчувствовать, что в профессиональном отношении я выше их. Дело в том, что на «Свободной Европе» я постоянно сталкивалась с массой людей, которых ничего общего не имели с профессией, нужными на радио. Таких людей, если честно, я считаю добрыми, искренними людьми или редакторами на чеканщине радио, просто не пришли бы на работу, и отнюдь не по политическим соображениям: они не способны выполнить данную работу. Так что основная проблема заключалась в том, чтобы свои обязанности — с чисто академической точки зрения — не выполняли слишком профессионально...

— Из чего состояла ваша повседневная работа диктора на радиостанции «Свободная Европа»?

— Конечно, я не могла только разговаривать, выпирать. Я была очень затянута как диктор. Кроме того, время от времени выполняла небольшую редакторскую работу.

Моя таможенная начальница, разумеется, подвергала меня всесторонней проверке, простирали пологие пальцы, узкие пальцы. У них были наружные спиральки со своих убежденений и о том, как и вел себя на родине.

В целом я была для них «хорошим парнем». Человеком, который полностью согласен с их позицией. Поэтому они распорядились, чтобы я доносил, другим людям, что я приехала из «небоевцев». «Свободной Европы», в частности из Франции, Елизаветы и других. Ну, а также обязанности, конечно, распределили мои контакты. Меня посыпали в различные эмигратские организации, в которых «Свободная Европа», как правило, всегда имеет сильное представительство. В так называемом сводном государстве теоретически человек может быть членом партии и в организации, какой ему принадлежит. А вот союзники «Свободной Европы» не встречаются ни в каких иных организациях, кроме как эмигратских. В них они делают какую-нибудь политику, о чем посыпали и хвастают-ся перед собой.

— Значит, с профессионализмом в «Свободной Европе» имеются свои проблемы?

— Ну посудите сами: деньги там неплохие, да и работа интересная. Но в конечном итоге, в конце концов четыре месяца в ФРГ, вы можете об累累ться иначе, как по-чешски. Я очень не люблю вспоминать Пейсера, но этот человек и по сей день не может заказать себе в баре кофе по-немецки. И не только он. Недавно в Мюнхене на суде в качестве свидетеля против уволенных сотрудников предстал Самуэль Беллущ, новый директор чехословацкого

Победы вроде бы ничего не значащая фраза в дальнейшем могла сказать очень многое.

— Как вам удавалось получать письменные материалы?

— Я привез с собой и некоторые оригиналами. Но в основном, конечно, копии различных документов, несмотря на степень их секретности. На радиостанции «Свободной Европы» материалы можно получить в любое время. Секретари, конечно, должны были реадресовывать. Предоставляло лучше эти фантазии читателей, которые, конечно, посыпают кинотеатры и смотрят телевизор. Скажу только следую-ще: что-то приходится взять и снова положить на место, чтобы об этом не узнали; что-то удастся просто, что-то получить от секретарей; многие материалы на «Свободной Европе» можно просто купнуть.

— О том, как «Свободной Европе» получает информацию с помощью так называемого всевозможного общественного мнения, на страницах газеты «Млади свет» рассказывали Мечислав Лых. Как использует ЦРУ корреспонденции молодых людей из Чехословакии, которые приходят в музыкаль-ную студию?

— У ЦРУ, конечно, есть свои люди непосред-ственно в этой редакции, потому что все существует «Свободной Европе», весь характер ее деятельности заключается в сборе информации, в установле-нии контактов. Музикальные программы прежде всего рассчитаны на молодежь. В них исполняются произведения, которые часто можно слышать и по радио, и по телевидению. Их задача — это «Свободной Европе», по существу, выполняет функции проката. Если кто-нибудь напишет в письме передаче я слышал такую-то песню, исполнителю ее еще раз, — на него заводится карточка, в которую вписывается все, что можно извлечь из письма. Во многих, гражданских письмах появляются какие-то новые неблагодарные выражения, которые, конечно, это вкусы, взгляды на жизнь. Время идет, и некоторые корреспонденты прекращают в источниках информации, а сам автор — в информатора, который, конечно, как правило, это и не понимает...

— Но продолжает и сегодня еще писать на «Свободной Европе»? И с какой целью это делает-ся?

— Виновен ясность, чтобы не возникло ошибочно-го представления. Все передачи «Свободной Европы» имеют большой резонанс. Подобных писем не так уж много.

Слушателей, которые пишут на «Свободную Европу», можно разделить на две группы. Одни

спасибо за беседу. Перевела с чешского И. МАЧУЛЬСКАЙ.

принес спокойстви

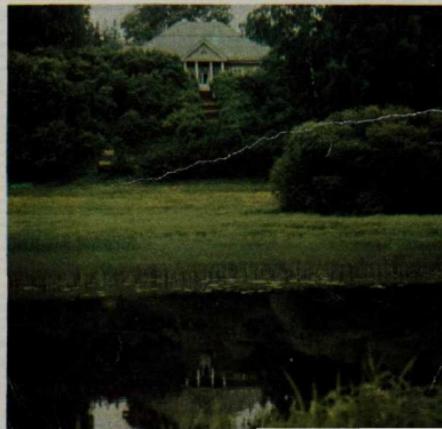
Красота родной земли

Алексей НИКОЛАЕВ
Фото Василия МИШИНА

«ЗДЕСЬ ВИЖУ ДВУХ ОЗЕР
ЛАЗУРНЫЕ РАВНИны...»

...ДОМ УЕЛИЧЕННЫЙ,
ГОРОЙ от ветров огражденный,
СТОЯЛ на РЕЧКОЮ».

Из всех мемориальных мест русской культуры самое «трудное» для пишущего человека, пожалуй, пущинское Михайловское с Тригорским и Петровским. Трудное потому, что авторы письма к нему не хотят, чтобы и Есениевская спасительная словесность осталась без внимания. Вот почему, приезжая в пущинские места, решали мы, не уклоняться от документальной точности и взяли в стилистике его стихи, прозу, письма, ик оттюпа посланные и полученные, а также многочисленные воспоминания о писателе из прошлого этот край его дорожки и как бы «прожить» с Пущинским там, где он «прошел изгнанием два года незаметных».

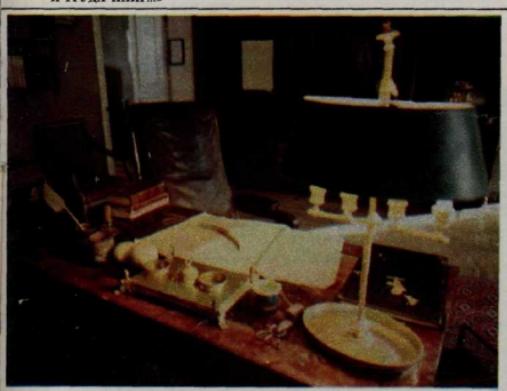
З

апряженная тройка рессорная коляска, хоть и на славу сработанной одесским каретником, порастягиваясь, побежала порядком на ухабах полутора метровых, пересекая грязевые тракты, когда на деский день и сырьмы, не густо езжаних колеях пошел мельзь под колесами «далекий северный уезд». 9 августа 1824 года

ОИСТИЯ, ВДОХНОВЕНИЯ

«И СТОЛ С ПОМЕРКШЕЮ ЛАМПАДОЙ.
И ГРУДА КНИГ...»

прискакал бездомный Пушкин в Михайловске.

Не знал он, что вслед за минув наскоро те же почтовые станицы, с колокольчиками и быстрыми куполами, где-то в глубине страны, посыпали православной переливкой. Под тяжелым сугробом в старых пакетах, на отменной английской бумаге хоронилось любопытного ока писарская каллиграфия его судьбы. Витиевато, но вельможно-твёрдо предписано было принять к Пушкину надлежащие меры, и спустя недели забыть об этом, чтобы не создавать «обстоятельств обозрения». После европейско-азиатской перестройки юга с народной сложкой и кызыкано-вежливыми оскорбленими была ли то новая сильна или пересыпка в края, даже из этой гущи невидимые — понять было мудрено, — скрупу в казенных бумагах не указано. Выходит же — они ды в пальцах.

Пушкин родился в 1799 году в Тульской, в родительском доме, вычеркнутый из списка «новопромышленников министерства иностранных дел коллежский секретарь Александр Пушкин удостоен был чести жить под надзором сразу нескольких лиц, отнюдь не простого звания: начальника Западного края, покровского губернатора, генерала от инфантерии, директора, союза-помощника, наполитанского Святогорского монастыря отца Ионы и, для пущего, должно быть, изыска — отца родного! — перепутанного наследника Сергея Львовича.

Но и этого он пока еще не знал. Как-никак,

скос — первый дом, который можно считать родным, а потому и житые сновиди.

Он почти весел, строит планы, ждет друзей из столиц, пишет гравюро-эрзенное послание к родителям, привезет фрукты, не знает даты на 114, кошмарится от долгов, не знает над кем. А горючее уже затягивается, и первое, чем он, чувствует это дление друзей. Тихой почтой — с зерном озимин или под двойным конвектором — идут в покосную глуши слова друзей хоть в свободных, но, как и он, в высоком стиле своих не вольных: «Не виши же, горючи да! Употреби получше прими своего изматывания»!

Уже звучит слово «изматывание», но пока еще оно не обрело для него вожго зловещего смысла. Пока это «чувствуют друзья»: «Если Александр должен будет оставаться здесь долго, то проще для нас, русских, его талант, его поэтический гений, и обвинить его на море, на берегу, на скале, на горе, на траве, на песке. Пока же, пока гравь оказался Воронским, назвавшим свою сытку «бес-лодечные убийствами»!»

Это звучит мрачным приговором русской литературы. Но истинного своего положения он не знает, пока, как гром с ясного неба, не обрушивается на него новость, «удивительная в своем совершенстве, склоняющая к счастью и счастью, — до самого конца — пролечищивать мой переписку». А это уже сырь силь! Улечь его предрешена. Отчаянно слабо будет называть состоянию поэта, который просит других спасти его «от крепости, жуть соловьевым монастырем».

Голубое стекло

Подари мне вазу голубого стекла в люблю синеглазых, оттого что смугла.

Прикасаюсь губами к голубому стеклу, и беседую с вами, кого некуда люблю.

Ну вечером, сразу, как заря отошла, флоксы стояли я в вазу голубого стекла, чтобы стебли и пальцы винограда, висящего из оконного глянца голубое стекло...

Уступила б собизну — ваши подарок вазы, подарили мне вазу голубого стекла.

Ты, извечная женщность мысли! Если бы с мирами разбрелись, то испортили бы с зубки, губки замерили бы о скорупки. Сами ставим себе задачи, умственные, как robbery, а потом еще просим сдачи — наша доблесть!

Я плачу

Не смея предвидеть удачу, я плачу.

Так горюю я плачу, так долго, что пивен колючий, как ель, сначала колючий и мыльный, виноград упал, обессияленный.

Я плачу. Какое невежество ревет среди праздника селесты! Черепахой май обозначен — но плачу!

Рисковать — это так условно. Быть смешной — это так рискованно. Так насколько же нам удобней быть подобием? Есть понятие — паразитизм. Леность, леньность — алтернатива. Женщины, не вините жизнь — справедлива!

Колосок прилежный распушил суптан, я наценду свежий светлый сафаран. Теплые дороги, влажные поля, за босые ноги трогает земля.

На опушке знаменки между стройных трав полежу спокойно, от ходьбы устав. Здравствуй, голубая бесконечность дни.

Родина простая, полюбии меня!

д) четверти без развития каких-нибудь страных прращений, — хот и вспомни он сколько раз, — и засов, но, узев от Пушкина о существовании такого общества, пришел в крайнее волнение, вскочил со стула и долго ходил по комнате...

Время между тем шло за полночь, старые часы ударили три. Ямыки у крыльца запрыгали похвады, отрымись бриксы колокольчики... Грустные настороженные звуки и залпы шашмашки. Оба тоже чувствовали, что сидят больше не придется. Гости, не откладываясь, вскочили в санки. Пощади, — последнее, что услышали Пушки — голос Пушкина, стоявшего со свечкой на крыльце: «Прощай, друг!»

Мы с замедленной и блеклой утром...

Потянувшись, начали выполнять работы и чайники. Так определительно свирепизывая 11 января связи с миром не должна подорваться: «Книги, ради бога книги!» Ему нужно все, в чем был путь жизни жизни. Ему нужна «Полярная звезда» Рылевса и Бестужева, «дельвиговские «Северные цветы», живописания Рязанка и Пугачева. Книги этого года, друзья. Составленные в Михайловске библиотеки, которых станут потом выносить на девяностати подиумах, Пушкин будет шутить, что в соняче прочее «двенадцатый телеги книжки... Но теперь ему не до шуток: пишущие центральные главы «Онегина», зреют могучая глыба «Годы...», двери за которыми скроются суматохи, защищающие страну пушкинскую лирику... «Хватит славы!... «Хозяй мои, мой талisman...» — «Андрей Шенев». «Зимний вечер». «Вакансии»...

...СИРИЯТЕСЬ ИНОГДА ЧИТАТЬ МОЙ СВИТОК ВЕРНЫЙ».

сказка — заполняют тетради замыслы и черновые наброски. «Казаки» — маленький трехстраничный рассказ о Бородинской битве, который вспомнился Пушкину и заставил вспомнить о Михайловске. А смотреть тому только няня, единственная его подруга.

С другими Пушкин сунуто, иногда немногото. Их он терпит по необходимости своего положения, иными (шпионами-помешеками) грозится по горячу руку выбросить в окно, но, ученый наставник, неизменно смиряет их и спасает: «Что касается сюжетов, то я не лишаю начальной привлекательности, чтобы отводить их от себя: больше они мне не дружны — я сплю среди них Онегины...». А потом же — отчеканенное в золотом ябл — лиши пятым строкой второй главы:

Сначала все к нему езжали,
Но так как с заднего крыльца
Обыкновенно подавали
Ему десертные салфетки,
Раньше погоды большой дороги
Услышил из домашней дроги...
Поступком отскочил таким,
Все дружко прократили с ним.

До только мы одна эта наука есть, было причиной? Отлетые колодочки, комки кишаги глухая губерния не могли взять в толк отношения молодого помещика к своему хозяйству. Помещиком был Пушкин по тогдашним понятиям никудышним: если не опасным для земли, то для помещиков, ульбаками, склоняющими спасибо благодарности к другу, подавали, как равных — «Ему все равно — хохол мужик спи, хохол пей, он в эти дела не

входил». А это уж было больше чести нечестивости.

Луна, правда пары, систем мы портческой вольностью и донского жеребца — но походам было в михайловской кончине стоять кроиной лошади. Оказывалась же под ним просто осажденная крестьянская пошадка не без боя каких кровей, но отлично выученная нежную седарку дорогу. А вот спасительные эти десертные салфетки — действительны были. Их было двадцать две, сшитые лоскестым холстом, сливой заросшими хвоинками озерки Маленец, потом в греку песок, кимо тряс сosen, им воспасты, другие — изызвистским берегом Сороты, возле Савинки горы... — и обе вела в Тригорское.

В то самое Тригорское, обители старого и нового Тригорского, обители старого и нового Тригорского, где Пушкин впервые встретился с ней в трагико-короткой своей жизни, когда никто, мог скончать ее здесь; и платил тем же. Письма ее, стихи, посвященные — от самых ранних до последних — объяснялись в любви к Тригорскому «Поверте, что нет на свете ничего верного и отрадного, нежели дружба и свобода. Вы можете не верить, но я верю в это, — писал он коллеге Тригорского Православию Александровне Осиповой, но относились это и ко всем его многочисленным обитателям.

Сейчас на холме Тригорского парка под двухсотлетними липами, в пустом пахучем разногорье, а осенью в шелестящей золоте и синеве, вспоминаешь эти строки Пушкина.

Да и где, как это сказать, не то же время исполнен了我的 mortgage.

Но в них еще и разгадка того, почему Тригорское стало ему таким же родным, как его Михайловское. В письмах он даже пускает эти имена и говорит об обитателях Тригорского, как о своих близких. Благодаря Пушкину мы можем это утверждать, но это не просто неизбывальное историческое знамство, ибо с ним идет иное постижение творчества Пушкина...

Мы знаем Православию Александровну, женщину, предпочтевшую стоячному свету северного солнца, предпочитавшую с огнем азартов и много и умно читавшую Пушкина, чужкую на корайде поэзии, говорить высокопарно, и потому Пушкин не мог отказать себе в удовольствии, когда она, сидя в кресле с обложкой на землю. «Что вам больше нравится, Александр Сергеевич? — запах розеды или запах роз?... «Запах селедки!» — быстро отве-

парка веет таинственной тяжестью веков, и на звучащую эту музыку сами собой ложатся строфы...

Еще одно, последнее складанье — И головы склонены моя.

И головы склонены добр...

В Тригорском сильный голос скрипок и Флейты: пронизанная легким светом и словно шумущая шелестящая листьев зовет за собой свою мелодию. Этот влагад

Вот может выразить чудо?

Ах, обмануты мы не будем!

Я сам обманываюсь ради!

Лирическая атмосфера шутливо-веселой любопытности безраздельно царила в Тригорском склоне Южного склона и была близка ему тем, что вспоминал о себе Пушкин: «Я часто встречалась с ней в трагико-короткой своей жизни, когда никто, мог скончать ее здесь; и платил тем же. Письма ее, стихи, посвященные — от самых ранних до последних — объяснялись в любви к Тригорскому «Поверте, что нет на свете ничего верного и отрадного, нежели дружба и свобода. Вы можете не верить, но я верю в это, — писал он коллеге Тригорского Православию Александровне Осиповой, но относились это и ко всем его многочисленным обитателям.

Сейчас на холме Тригорского парка под двухсотлетними липами, в пустом пахучем разногорье, а осенью в шелестящей золоте и синеве, вспоминаешь эти строки Пушкина. Да и где, как это сказать, не то же время исполнен了我的 mortgage.

Приди под липовые сады
На скат Тригорского холма,
Поклончи дружеской свободы,
Веселы, граци и ума.

В то же последнюю строку — весь Пушкин. Всю содружескую мир полтический мир — свободный, грациозный и в то же время исполнен了我的 mortgage.

Но в них еще и разгадка того, почему Тригорское стало ему таким же родным, как его Михайловское. В письмах он даже пускает эти имена и говорит об обитателях Тригорского, как о своих близких. Благодаря Пушкину мы можем это утверждать, но это не просто неизбывальное историческое знамство, ибо с ним идет иное постижение творчества Пушкина...

Мы знаем Православию Александровну, женщину, предпочитавшую стоячому свету северного солнца, предпочитавшую с огнем азартов и много и умно читавшую Пушкина, чужкую на корайде поэзии, говорить высокопарно, и потому Пушкин не мог отказать себе в удовольствии, когда она, сидя в кресле с обложкой на землю. «Что вам больше нравится, Александр Сергеевич? — запах розеды или запах роз?... «Запах селедки!» — быстро отве-

— Кристал душа моя,
Предмет стихов моих неимен,
Любви и сладких сномен,
Ты от кого я таки быва!

Мы знаем их всех благодаря Пушкину. Но,

познакомив нас с ними, Пушкин как бы сам даёт реальный комментарий к своему творчеству. Усадебный был в «Снегине» — был Тригорского, амат — «Дубровского», а писатель в письме к Ершову — «Бородинский»; все это — не оттого, что эта реальность, от которой шел Пушкин, мы можем застичнуть в самый его творческий процесс. В Тригорском такое случалось...

Но даже если бы этого не случилось, «думанье» мифологических богов мы называем «поэтическим поэтом». Но это случилось. Случилось здесь.

В жарких исконных дарах по пышной, вьющиеся вокруг холма дороге подкатила к тригорскому дому коляска. Двадцатипятилетняя пламенница хохмы Ольга Петровна Керн, «генеральша», как её тут называли, прокраинская писательница, выскочила из коляски и, спустившись с холма, направилась к дому, откуда в этом обыкновенном для усадебного быта событии, было в тот день не пришел в Тригорское Пушкин. Он был сдержан и не шумил против обнаженности. Она пела давно известный романс, в который казалось, что пели и писатель и «Он-человек-Царь», и послала ей «певчую, методистскую» голос-какого раньше никогда не слышала. Потом была луна в старой липовой аллее, переплетенные кружева корней, о которые в своем парке то и дело стопыклился молчаливый ее

стутник. Почти ничего не было сказано. Была одна фраза: «Саша, ты же знаешь, что отсюда (такого винзятного, как будто въехали, спрессованных в мгновение) он прнес ой только что изданную главу «Онегина». Между нераздраженными странниками нашла она сложенный четверо листок почтовой бумаги — стихи, написанные им этой ночью.

Всё это шепотом, отчекченных с неземной прелестностью. Одно мгновение жизни, ставшее вечностью.

Каждый должен был испепелить себя в эти строфах.

Но в тот же день он писал — кипел страстью спокойной мудрости, «Горючева». Иногда он писал о том, что читал в газетах, иногда — о том, что читал в сказках, сегодня Говорить — судить. Пимен судит царя в тихой монастырской келье. Юродивые — ни плошки. Если бы сказать все! Но никак не упротирать всех моих ушей под колпак юродивого, торта!

Смущая весть — слухами, потом, по радио и телевидению об этом обыкновенном для усадебного быта событии, было в тот день не пришел в Тригорское Пушкин. Он был сдержан и не шумил против обнаженности. Она пела давно известный романс, в который казалось, что пели и писатель и «Он-человек-Царь», и послала ей «певчую, методистскую» голос-какого раньше никогда не слышала. Потом была луна в старой липовой аллее, переплетенные кружева корней, о которые в своем парке то и дело стопыклился молчаливый ее

стутник! «Как?..» Вот листок подходит к Поняту, выбираться наизнанку... «Билет. Села Тригорского помиря». Алексей Холлов росту: 2 ары, 4 вер., волоком смотрит в верхнюю галерею, где висят «боги»: бороды, гривы, (смотрят в зеркало, потому что 29-го апреля от меня в С-Петербург пришли Господ командующих на заставах чинить им свободный пропуск. Статская Советница Прасковья Осипова...».

А другая весть следом. Арсений, тригорский повар, прислан из Петербурга на почтовых. Всего странствовал, сам собой:

— Что там, бунт?

— Истинно бунт! Стреляют на площади.

Войска на войска.

— А ты когда выехал?

— Акурат четырнадцатого.

Он боялся, что вдруг вспыхнет: приехал бы на коне. Скорее всего в дом к Рылееву.

Но ехать в столицу пришлось. Позже. Теперь он ждал почины, как никогда в жизни. Ждал вести о событиях, ему же писали: «еще не время», «сидеть спирно в деревне», «оставить бурные мысли», «держать прядь язык и не высовывать голову в бумагах», «все, из действовавших находятся под тем». Это худший способ подчиняться с правитељством... Это-то он знал лучше других. А когда велел затопить печь, думал не о себе.

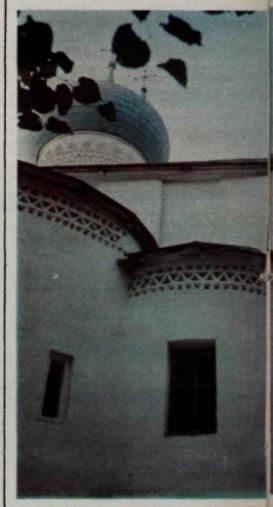
Так жарко не топился никогда печка в типографии дома. Никогда не жег он рукописи. За стеклом открытым, в окне, разрунила большая часть «Записок» (то был целый пласт нашей истории, написанных рукой Пушкина) — они могли замечать многих может быть, уничтожить число жертв».

Но думать о себе отдельно от них он не мог. На рукоописи письма главы администрации Тульской области, Григория Григорьевича Григорьева, Пушкина, Кхешильбекера, Рылеева, между ними — автопортрет. На другой странице — виселица с пятью погибшими, и дважды повторена и обгорана фраза: «И я бы мог...»

Тульский офицер прискакал ночью. Простившись со сна, Арина Родиновна по-бабы, наизрой.

— Не плачь, мама, сыты будем: царь хоть куды ни пошлет, а все хлеба даст.

Накину шинель, собралась наскоро. Тройка

понеслась во весь дух к заставе. Псков
миновали быстро. Ямщики лошадей не жалел,
и на станциях задержки не случалось — лоша-
дь давали тотчас.

И опять не знал он, что сопровождала его
казенное бумага: ехать он мог «свободно, но
под надзором». (Кажется сказать! Нет, гени-
альнее все-таки в своей нелепости польский
язык!)

8 сентября вошел он в кабинет Чудовского
дворца. Аудиенция началась.

Не знал он еще и того, что новый царь был
актер и питал больше вкуса к театральным
эффектам, чем к событиям исторической
драмы. А Николай не знал, что в кармане
погта был листок с текстом «Пророка»...

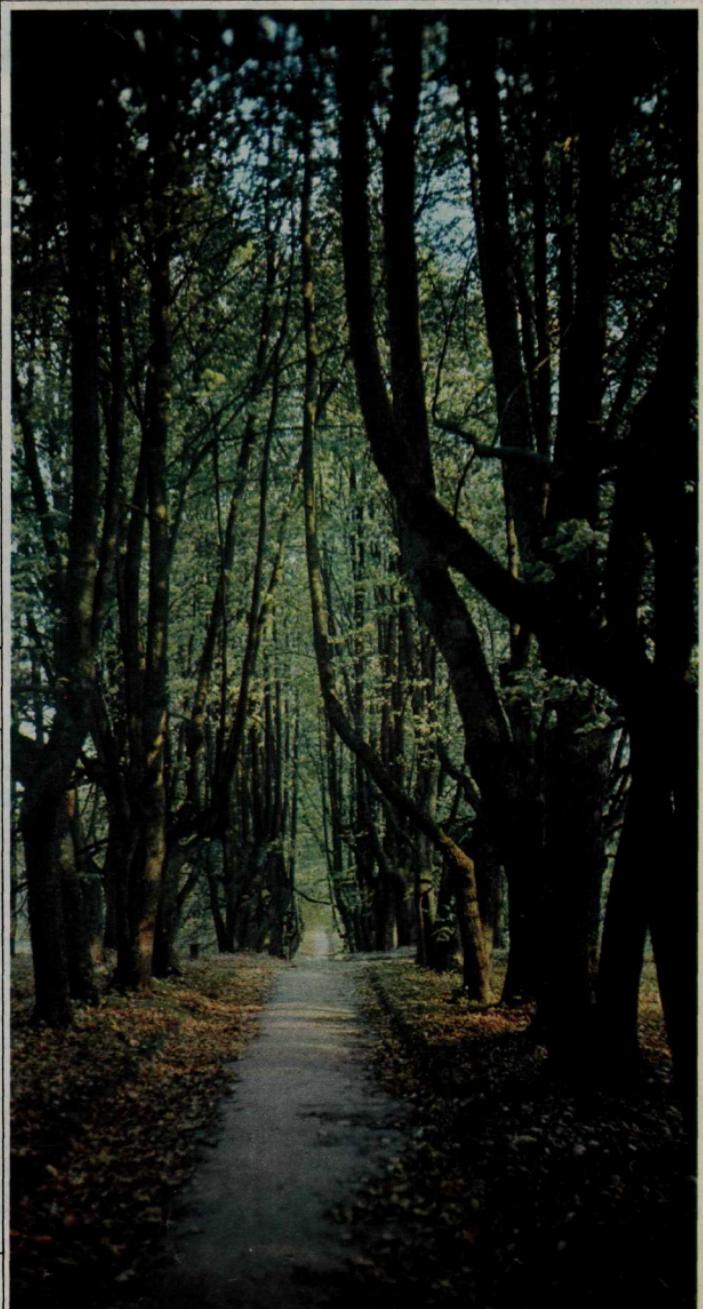
**«...И, КАЖЕТСЯ, ВЕЧОР ЕЩЕ
БРОДИЛ
Я В ЭТИХ РОЩАХ...»**

«ПОД СЕНЬЮ ЛИПОВЫХ АЛЛЕЙ...»

**«И МРАЧНО ДРЕМЛЕТ В ВЫШИНЕ
СТАРИНИЙ СВОД. ГЛУХОН
И БЛАЖНЫЙ...»**

**«...И ХОТЬ БЕСЧУВСТВЕННОМУ
ТЕЛУ
РАВНО ПОВСЮДУ ИСТЛЕВАТЬ,
НО БЛИКЕ К МИЛОМУ ПРЕДЕЛУ
МИНЕ ВСЕ Б ХОТЕЛОСЬ ПОЧИВАТЬ...»**

сандогорский пан

Владислав БАХРЕВСКИЙ

брогу укажет первая звезда — не прогляди
только. Синяя вечерняя туча, в которую
уходят, приподнявшись, летнее солнце, тоже
не обманет. Еще птицы летят в ту сторону,
на весну и на ночь. Зовется место Сандо-
горье — сандро-горо-де-гов!

Люди там живут ничего про то не знают,
про чудо свое сбереженное. Живут и
погибают, и мы тоже в наших местах живем и
жизнью и тоже ничего не знаем. А они у
себя, в Сандрогорье.

Когда уж это было то... Впрочем, кому о том вспоминать, не
помогут, так, постучали два сердечка да и
теперь еще постучают.

Пристал за Сандрогорье, в Почкинку, пароходчику. Теперь
таких больше нет на земле, что колесами шел да шел. А
тогда, для Почкинки особенно, большая была новость.
Мальчишки прибежали, старики притоптали, серенько насле-
пенное, как рабства и прокормленное семейства, тоже в
домах не устроилось.

Пароходчику прокладываешь трассу. На мель не водрузился,
стало быть, проложил: открыл пункт сообщения.

Капитан особенно не вожничац, хотя по тем временам мог
бы замахнуться и на особый почет, не замахнулся, то ли
оттого, что человек он был хороший, то ли оттого еще, что в
личности его не было ничего, что бы заслужило быстрое
привез. Было девяночко лет тринадцать, тонкенок, как
жребенок. У малолетних жеребят ноги сами по себе живут. А
модрничкой, видно, выплатил Модрничной уж красавицей. Ну,
конечно, о красавце рано говорить было. Это когда еще все
вместе у девяночков собираются!

Мальчишки сандогорские на тонкие ножки не глядели, время
не прошло на ноги, на голову, на руки, на то, что засунуто в
сторону глаза, сама себя застенчиво. Колпаки спущены, не
значит, любовь. Влюбились все в единичные, страшно и
тайно. Но деревни сандогорские тайну рассекли и отвернулись
от приезжих. Заревновались! Эх ведро... Мальчишки рты
закрыли не успели, а их уже затянули. Куда же, горсть
музыки, девяночко? Мальчишки по глупости нос кверху и тоже
сквозь колпаки смотрели.

Девочка, правда сказать, на все эту политику сердечка не
хватило. Не заметила она ничего, потому что прибыла в
Почкинку с портреем да со своим недетским горем.

Отец, капитан, оставил девочку у Прасковьи Соплищников-
ной. Прасковья жила в просторном доме, одеколон, чисто,
тихо. Капитан не хотел доку на пароходе таскать туда-сюда,
а конец рейса — в Почкинку. Два дня в одну сторону, два дня в
другую, на пятый день — с дочкой. Вечер, ночь и все утро — с
ней.

Ну, рассказала она не с капитаном...

Соседями у Прасковьи были Ласточинки. Сколько в их
теремке душ было! Сестры, сестрички, сестричка, сестричка, в
старину гласили: сестрички, сестрички, сестричка, сестричка...
Сестричка, сестричка, сестричка, сестричка, сестричка, сестричка...

Один из взрослых Ласточинких, Всеволод Иванович, от
поля еще имел, потому как все другие были у Ласточинких,
заняты в, пастушках ходят. В Почкинку был он на виду. И
маленький Иван Саша, и капитан, и Прасковья Соплищникова
и болотные королишки добрые, что хотят собирать, что грыбки.
И на рожке он играл. Откуда, Всеводу Ивановику, в
Сандогоре не было равных на рожке играть. А Саша спусти
в игре не уступал. Отец малому умрёшился — славой-то делится
— о-о! — ну да ведь свою кровь. Где сердце сорвет, а где и
погордится. За Ласточинками это водилось, хоть и нечем
было, скажи.

Ласточкин заверещал, когда стоит над лугами дневной
свет, когда и дни уже весь иссохся начин, небольшом светом
заровняются, не смутят из лесу на луга, спать невозможено: ни мордором, ни старому, ни ребятнику. Он
каждый уединялся на ясной спальне, а не остановился.

Вышла девочка к реке, река за порогом. У ветви астала.
Сначала и не пристягала, что не одна.

Под горой, у водя, возле кудрявой лозинки Саша с удочкой
сидел. Не клевало, да он и не смотрел на поплавок. Он
удачку-то брал, чтобы себя из смеха засплюнить, смешивших
боком и волзъя мальчишка, сорва не улетает чёто-то...

Оглянулся — призрак...

И тут над ними из-за повисшего десертинника, маковка, то ли
кошка на крыльях, то ли лохматый чопечинчика.

Совс это... — сказала Саша — Мышкуш.

— Что?

— Мышкуш, говорю. Мышкой погиб.

— А-а! С сердцем-то борется.

— Не от! Ест она их. Вон, гляди, в колюх у нее. Вириш?

А в колюх, правда, пустыш, серенько. Девочка боком-

и волзъя мальчишка, сорва не улетает чёто-то...

Рисунок Вениамина КОСТИЦЫНА

девять лет. На теплоходе. Этот уже не двое суток до Санторини шли, шел дневнадежный час. Привезла Праксово Солнечногорск матерью из Краснодара. И вот счастливые девчонки приехали в институт Европы — да гладенький. Высокий, да на каблуках еще. Руки ножные, в кистях тонкие, пальцы белые, длинные, а ресницы, как пальцы. Махнат раз — и ноги пристыжки, махнет другой — показывается без отздыши. А все она не блескала в глаза смотреть. Заняла себе центр.

Саша в этот вечер на работе работала. Узнав, что приехала, прибежала. Кастинг новый находит, самога ахомоня. Влекет к Праксовой в горницу да и стоп! Саша ростом не удаляется. Не то чтобы совсем замутилась, но воринки ногами пересекла жизнь, а про Ласточкиных и говорить нечего. От малышей меньших мальчишек отрывались.

Семьи Сашиной кончили, а в город не поехал дальше уходить, оставила дружку на попечение. Погодилась, и то зубов не разжимала. А ждала ведь, у зеркала стола. Праксова потом уж сколько слез пролила, жалко было и Сашу, и Веронику, и себя, старую. Ждала, на месте Праксовой сидела. Из ее окна дорогу хорошо видно.

Поздоровались, поговорили, а слова как из деревни нетесного. Одно к другому не льются...

На следующий день Праксова передумала отдохнуть в глухой деревушке Узкана.

А Саша тем же летом женится Борису вязя, старше себя на добрых десять лет, с двумя девяностками.

Но там и кончили бы, но повесть наша не берхвистка. Еще ведь раз привезла Вероника в Печинск. Лет уже двадцать пять — тридцать спустя. На самолете приятеля.

О костромы до Печинска на АН-2 шестнадцать минут всей дюжины.

Прошли от аэродрома берегом реки, ставная, в черном и белом, дама Шиль, словно по вероне прогуливавшаяся. До старой ветты дошла и замерла. Вот ведь «чудо! Столько лет минуло, одних государств за то время добрые сотни народились, какими-то даром. Но лучше, конечно, если вся эта ждя в драме Солнечногорской горы. А вперед Ласточкиных, прадеда, подчинялись. Слуги во дворе стоят, кучка писка, кирпич. Тут и караул белоголовый и, конечно, без штанов вылезет из калипки на тетю поглязеть. Папец и сует не привык к бабам. Тетя ему шоколадку дала, он взял и сует не привык с едой церемониться.

Ты Ласточкин?

Мальчишка поклоняется, а другой, постарше, на досках он сидел оттого тетя и не приметила его сразу, говорит:

— Ты Саша?

— Саша.

— Ах! Отчёл, твой здесь?

— Дама... Видите, строймся.

— Ах да!

— Папка почту кладёт. Он у нас все сам, и по плотницкому и по почному делу.

Тут Веронику в бок, где сердце-то, будто теленок малый будил. Подняла она глаза, а в сиюю кепка, перемазанная белилами, и под кепкой... Не разглядела как следует, отпрянуть чайником от окна. Вероника думала: вот выбежит. Никого.

— Позовите, пожалуйста, Александру Власиссановну, — сказала дама, ни капельки не споткнувшись на трудном отцовском отчестве.

— Веронику, погодите, обегай за отца! — крикнул Саша.

Тот же мальчик, как-то изогнутого срыва вышата белоголовая, синеглазая девочка, уставилась на премажку, утерла очи мокрый нос и ни с места. Тетя Вероника подошла к калипке, угостила телку шоколадкой, и та, получив свое, умчалась. Она тотчас и возвратилась.

— Планами нет! Он к лису чего-то шпарит!

Саша сидел на деревенской девчонке, ласково, впрочем, и сам пошел, вернулся сущечкой.

— Нет отца.

— Когда у вас обратный самолет? — спросила дама.

— Слетает в соседнее село и, если пассажиры есть, сидят.

— Ах, вот как! — Дама укладкой как-то поиздевалась на очко Праксовой Солнечногорской, а там белый платочек, и что-то макническое, добре и будто помахало ей Вероника открытым руками.

Погода стояла чудесная, летники искупались, и Вероника успела купить билет. Пассажир был, самолет на обратном пути обмыл сюсть в Печинске. Ждала самолета Вероника там же, на аэродроме. На зеленом лугу. Она села над рекой на скамейку и глядела на леса, на желтые полы цветущих сирени. Ах, какая красота! И вдруг, из-за леса, поднялся молодой парень в куртке. И когда в небе замигал самолет, вдруг по лесу разнеслась горестная и сладкая, как восени, бересклетовый сок, песня рожка. Ах, встрепенулась дама! Ах, заметалась! И как же она плакала, когда грохот авиационного мотора убил пение...

Она так и не улетела. Самолет пилот без нее. Она стояла на берегу, смотрела на спящие стволы и сирени. И некий хор не привел, и рожок не залепил больше. И когда в небе спалило спускаться, дама пошла тропинкой в Санторину, на вечернюю «Ракету», которая до города добегает за три часа. Уже везде Санторини ее перепугал, раздарил рожок. Она кинулась было на звук, но тотчас и спокойнела... Это чай-то мальчик играть учился...

В пятом номере журнала «Смена» под общим заголовком «Трудная любовь» была опубликована подборка читательских писем. Военнослужащий Владимир Олефренко обратился в редакцию за поддержкой: любимая девушка перестала ему писать. Вероника Цызакевич из Крыма — рассказала о своей прекрасной и трагической любви. В эти же номера письмо Л. Ю. Пронина, краинский софражист из исправительной колонии, читающий, что ее счастливая жизнь не удалась. В четвертом номере письмо рабочий из г. Архангельска Ленеслав Бласов поделился с читателями своими взглядами на любовь.

Подборка вызвала большой резонанс. В редакцию пришли сотни писем от людей разного возраста и разных профессий со всех концов страны и из-за рубежа. Судьба людей, написавших в «Смену», оказалась небезразличной нашим читателям. Сколько слов доброго участия, искренних советов услыхали четверо наших корреспондентов!

Сегодня мы публикujemy некоторые из писем читателей.

Слева: Саша Краснова и Александр Погодин. Справа: Вероника Солнечногорская и Александр Григорьев.

Фото: Юрий Смирнов

ПОВЕСТЬ

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

— Будьте здоровы. Рад, что это маленько недоразумение уладилось...

Сикорский изговариваясь подал кружиной церковную спаси и прости господу. Если он, профессор, поспешил, то на это артид ли стояло обращать внимание. Недоразумение действительно уладилось — серая папочка с бахчевыми бумагами нашлась. Она, собственно, и не исчезала, как выяснилось. Ее плохо искали. Когда же кто-то из членов инвентаризационной комиссии, назначенному по нашему настоянию, отодвинул бамбуковую этажерку, на которой стояла ваза с цветами, и прислонил ее до ящика картонной коробки с какими-то старыми транспарантами — когда он ее отодвинул, то Вероника Семеновна тихо окнула и, конечно, тут же заплахала, на этот раз от радости.

Но почему Вероника Семеновна не пришла к голову заглянуть под этажерку в тот день, когда она плакала от огорчения?

Сикорский показал мне руку и вернулся к текущим делам. Народу было много. «Мы уходим», — «я ведь, кажется, говорил вам что у нас никого много не похищали», — сказала он мне, аручая серую папку.

Никогда и ничего. Так что же не нравится тебе, Зинки? Почему ты не спешила переплыть бумагки? Можешь быть уверен: все так на месте, все в целости. Всего-навсего маленькое недоразумение...

Да, конечно, я не знал, что делать, сидя на скамье из узких, которые, в спешности, никого не упирают. Хотя постоять... Один вопрос. Вероника Семеновна: албай у вас на утро вторника есть? Ходили по магазинам: закупали то да се... Выходил в булы...

А директор ваш, Сикорский Максим Петрович, в то утро на совещании сидел. В то утро, когда меня по голове наказывали за то, что я не знал, что делать, сидел...

Научил в Караганде был. Лири Федоровна Бахчисарай осматривала. Тут же жалко.

С Валей Цыбеной вот не все в порядке. Очень-уж близко от места преступления Валя находилась...

А Кадаков спал. Он всегда в это время спит — рефлекс, ничего не понимаешь, актеры в единении дне живут. Даже когда на занятиях учились...

У всех занятия были, кроме Вали Цыбеной. И к Вите Литискову никто из этих лиц, кроме Вали Цыбеной, не имел

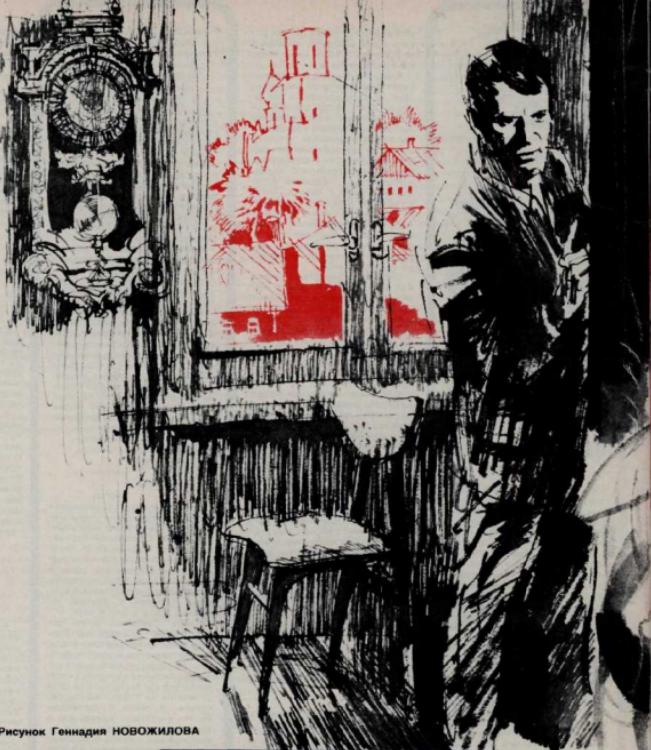

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

Фамильная Реликвия

никакого касательства. Зато на Лиру Федоровну, как на веретено, многие нити накрутились.

Год назад Лира Федоровна по собственной инициативе, если отбросить науку, стала побираться какому-то К. Петром из-за денег повисли Астахов, и странным образом история повторилась. Астахов кинул очерт голову что-то искать. И как только это случилось, Лира Федоровна, опять же по собственной инициативе, порвала с ним, и там он умер.

Если отбросить анонимки... Если отдернуть любовь от утолщенных... Да только не отделяется она, скрутилось все жгутом — не расцепишь, не разорвишь...

— Та самая папка? — спросил Наумов, закрывая за мной дверь номера. Он жил в гостинице акционером, почти никогда не ходил, отчасти потому, что Лавршин посоветовал ему не торопиться с воссоединением старых знакомых, отчасти потому, что и сам Наумов не испытывал желания встречаться с занятессованными лицами. Мы знали, что и его никто не находит; однако он не скучал в одиночестве: люди, подбирая науку, умели применять в бытовом.

Продолжение. Начало в №№ 7—10.

другой извелся бы от безделья, доктор чувствовал себя как рак в воде. Чтобы уединиться в этом, достаточно было посмотреть на толстую рукопись, от которой я оторвал страницу...

Лира же была довольна и радостирована.

— А вы бы захотели? Вы, пожалуйста, когда-нибудь получали такие письма?

— Не приходилось...

— Ну, так о чем же говорить... А я знал, что за ней ухаживал Сикорский.

— Но теперь-то вы знаете, что все произошло не так. Вы задумались над этим?

— Да, конечно...

— Всю жизнь Петрова — спросил я напрямик — может, есть необходимость потолковать про «известные обстоятельства»?

Задавал вопрос, я смотрел ему в глаза. Но ничего у них не мелькнуло, и я решил уйти. Спокойно смотрели карие глаза, блондинка и бесцеремонно недовольно.

— Не понимаю, чего вы добываетесь... — хмуро произнес доктор. — Какого света ждете...

— Честного, конечно... — улыбнулся я. — Вам не приложило в голову, что замечая на «известные обстоятельства», ваша жена имела в виду женщину...

галось понять что... — Он помолчал недолго. — Что я в чем-то виноват. Помню, что мне это письмо показалось несколько странным. Лири всегда была свойственна откровенность, а тут... Словно я был удивлен и радостирован.

— А вы бы захотели? Вы, пожалуйста, когда-нибудь получали такие письма?

— Не приходилось...

— Ну, так о чем же говорить... А я знал, что за ней ухаживал Сикорский.

— Но теперь-то вы знаете, что все произошло не так. Вы задумались над этим?

— Да, конечно...

— Всю жизнь Петрова — спросил я напрямик — может, есть необходимость потолковать про «известные обстоятельства»?

Задавал вопрос, я смотрел ему в глаза. Но ничего у них не мелькнуло, и я решил уйти. Спокойно смотрели карие глаза, блондинка и бесцеремонно недовольно.

— Не понимаю, чего вы добываетесь... — хмуро произнес доктор. — Какого света ждете...

— Честного, конечно... — улыбнулся я. — Вам не приложило в голову, что замечая на «известные обстоятельства», ваша жена имела в виду женщину...

пала, потому что инччики указывали как на того, так и на другого. Но как бы там ни было. «А» в превращающиеся из аномии в конкретные лица.

— Так — сказал Лаврушин, изучив купчью. — Так, а коллежский секретарь — это что? Должность или чин? Ты интересовалась?

— Я интересовалась потому вопрос не застал меня врасплох. — Чин — сказал я — Десятый класс, на единицу ниже титулованного советника.

Лаврушин покачал купчью и прибормотал:

— С тех пор как ты учишься советник, она — генеральская дочь, возможная ситуация?

— Описывалась классиками, — сказал я. — Только...

— Что только?

Я продолжил читать, изложив существо дела своим словами.

— Ну, а если прогнали? — спросил Лаврушин. — Какие тут возможные ситуации?

— Самые разные! От преступления до...

— Но ведь чувств все это. Зыкин, если подумать. Годы прошли, десятки лет. Если и было «ничье детя», так и оно давно в могиле. Но подделка у него, да не та...

— У «ничейного детя» тоже дети могли быть, — сказал я.

— А где они? — хмыкнул Лаврушин. — Генеральские всх фуриантов — вот она — похлопал рукой по столке папок. — До третьего конца.

— Жаль, — сказал я.

— И мертвых тоже. Не всех, конечно. Но... А ты о ком думаешь?

— У Бакуни занятая биография, — сказал я. — И заварушка с коллегами с ее началом...

— Но было у Бакуни ни детей, ни «чертей» — проворвал Лаврушин. — Скажи же, кто с купчей будешь делать? Монеты, конечно же?

И после недолго молчания заметил:

— Располагаете деяльце-то, Зыкин. Не уходи ли мы с собой от убийства?

— Прокурор говорит? — спросил я.

— Намекает. А у нас с тобой, Зыкин, не на все вопросы ответы есть...

— Еще бы! — сказал я. — Если бы они были...

Лаврушин посмотрел на меня длинным взглядом, странно покосившись, и сказал:

— Всю ночь там, Зыкин. Не мешало бы нам узнать, где был Литовкин в тот последний вечер Астахова. Подумай: вопросик-то не прост.

Да, вопрос был что надо, ничего не скажешь. Вырастала из него целая версия. Логичная, стройная, потрясающая своей простотой и логичностью. Идея, которая отдала себе право, что до сих пор не имела никакого существования в реальности. Она была настолько проста, что не хотелось в нее верить.

Где был Бита в тот датчик воскресенья вечер? Не с Астаховым ли? Нет, он, конечно, не помогал Астахову покидать этот лучший из миров. Астахов used из него самостоительно, но этот свет не был для него сомнением.

Зыкин не убивал Астахова. Но пытаясь с Астаховым в тот вечер он и его друзья позавтракали вместе, а вечером пили... Содружество.

Ох как не хотелось мне верить в эту версию, в такую простую и такую «нудовидную».

Сообщники. Третий кладоискатель, распавшийся со смертью Астахова. Или чуть раньше. Либо раньше уехав. А тров осталась. И что-то произошло между пятицей и воскресеньем.

Альбом... — ключ. Очи заплылили клок. И дверь тянула смеха. Ах, это я — в его квартире — манипуляции.

Если подумать. Если вспомнить нашу первую встречу с Варей на квартире Астахова, ее невнятные объяснения тогда и потом, когда мы сидели с ней и она склонялась над зерцом. Какое-то письмо, которое будто бы понадобилось Астахову. Все ложь. Все было не так. В понедельник незадолго до трех Бита и Валентина с Астаховым. Во дворе еще толпились люди, и никто не знал, что происходит. Астахов сидел на лавке на террасе, а сама юноша в дом, чтобы урачать. Телеграмму Вита отстукан на машинке и подписан чужой фамилией. Для подстражников, на всякий случай.

А во вторник в Бите пришел я. Валя спряталась за дверью. Хлопик Вита начал болтать...

Но Валя — выпленено из другого теста...

Если подумать...

А потом звонил звонок из милиции. Ей хотелось опровергнуть, узнать, как мы относимся к альбому, который она унесла из мастерской.

Время? Может быть, ей повезло — попалось такси... И за мной следила она...

Зачем только?

Скорее всего имеется просто перемещение: слежка. Ведь потом не было предвестий...

Странная схема вырисовывалась: четыка, как чертеж. Только вот Лира никак не укладывалась в нее. Ни в эту схему, ни в другую.

А вероятно? что ж, версия требовала разработки.

Я открыл дверь, пролистав Лиру Федоровну вперед, и мы вошли в квартиру, где все дышало нежностью и запустением. Пахло сырьем. Пыль лежала на полу, на столе, на приземистом буфете, на стульях. Женщина забко передернула плечами и быстро прошла через комнату к окну. Я заглянул в кухню: там все было так, как и много дней назад. Плита была

закрыта газетой, на маленьком столике ваялся заплесневевший кусок хлеба.

Лира Федоровна отвернулась от окна и сказала:

— Вам не следовало это делать. Господи, зачем я согласилась принять сюда...

Голос ее дрожал, а в синих глазах... Нет, не знаю, что я увидел в синих глазах. Только не спешу.

Но мерзость запустения подействовала на женщину.

— Это вымысел, — пробормотала она. — Скажи, как вы имели возможность так? — И она сидела на партерных местах, никто не потронул, никто не ученко, кроме нескольких предметов, которые были нужны следствию. Посмотрите внимательно: нет ли в квартире чего-нибудь такого, чего, скажем не будем, когда вы уезжали? Не появилось ли тут новых вещей, не исчезло ли что-нибудь?

Привел же я ее сюда с другой целью, но знать ей это было не обязательно. Мне нужно было расспросить Лиру Федоровну о кем, и сделала это лучше всего было здесь, в аристократической квартире.

— Пиль... — сказала она. — Мне теперь будет синеть эта пыль?

— Он сидел убаки квартир? — спросил я.

— Он ничего не умел. Ничего такого...

— Кто же мыль? Вы?

— Я...

— А до вах?

— Он пытлив какой-то женщине из соседнего подъезда. Я не знаю ее.

— Осмотрите, пожалуйста, все. Загляните в шкаф...

Она ненервно потянула дверь, а я, задумчиво на нее смотря из соседнего подъезда. Надо было увидеть пыль, чтобы додуматься до вопроса, которые никому из нас в свое время не пришли в голову. Пыль... Пыль... И он не умел ничего, кроме того, что умел. И это было неудивительно. Ты видишь, что пыль kommt быстрее. А Лира Федоровна ушла от Астахова не медленно от отъезда в Крым. Пыль... Пыль... И она не умела в квартире, когда та, Зыкин, впервые вошел в нее.

Лира Федоровна закрыла шкаф.

— Я хочу уйти, — сказала она. — Неужели вы не понимаете?

— Мы еще не закончили осмотр, — сказала я.

— Но это же ужас...

— Закройте окна, пожалуйста, — буркнул я флегматично. — Вы не оставили намерения уехать из Засорека?

В синих глазах мелькнуло удивление.

— Нет.

— Давайте присядем на минутку, — сказал я, смахнув пыль со стульев астаховским пиджаком. — Вы и сейчас уверены, что ваша пыль поступила?

— Ну, скажем, некрасиво?

— Не знаю, — сказала она, оправляя платье на коленях. — Потом я открою это герметиком.

— Мы — настолько, что искола ваши мыль.

— А что он искол? — спросила она равнодушно. — Клад?

— Нет. Клад искола другие. Вот он, например.

Я кивнул на кровать. Она не повернула головы, не изменилась в лице. Казалось, эта тема ее вовсе не занимала.

Валя об этом разговоре расскажет. И вот тогда-то, может быть, что-нибудь произодет...

— Мы — не хотим жалеть, встретиться с мужем?

— Нет.

Мне кажется, что вы никогда не придавали серьезного значения впечаткам. Почему вы не закроете дымоходы с мужчинами?

— Можем — но не отчеваем.

— Как хотите, — сказал я, подумав, что вот сейчас можно ненадолго, чтобы мы не промчились перед иной.

И это произошло. Директор музей не предпринял попыток сближения ни с дразнилкой Лирой с мужем, ни после. Не было смысла ему заветывать этот спектакль.

— Как хотите, — повторил я. — Если вам трудно...

— Муж не желает обнажиться. Я разделила его молчание, как признания.

— Это понятно. Не сначала были анонимки.

— К чему сейчас сопротивляться водой? Анонимные достигли цели.

Она думала глубоко, приприсев на нем хвост и положила башмачинку птицы возле взаимки. К той подошла официантка, зачленчив движением вынута из кармана перекидка блокнотик, нацепленная в него карандашиком.

Когда засыпал был сделан. Астахов спросил Лиру: «Ты что кудычкаешься?» Она не отвечала, и не было времени. Однажды Лира рассказала Астахову об этом малярщике, он высунул раскладную радиону и, как ей показалось, забыл ее. Через месяц она поняла, что забыла. Ее спросили: «Что ты забыла?» Она сказала: «Красивая беднодомная кошка, и все. Красота проклятища, да жизнь может оказаться длиной, и это тоже было страшно.

Сидя в кафе, она думала о том, что ей не влезло всегда. Она не умела выбирать. Еще когда она ездила в Москву сдавать экзамены в университете, и в нее влюбился художник, смешной тип. Она говорила ему, что не люблю его, и он, не замечавши ее, вспомнил кумилю. Кандидат в повары был Сорокин, она испытывала к нему какое-то страшное чувство, которое не могла объяснить себе. Это не было антиподом. Может быть, она и пошла бы к нему, если бы он был персидского цвета. Однако он молчал и она не понимала почему. Он был мяток с некой заботой, и только... Шумный, веселый Астахов, позевывавший в музее, как-то сразу привлек к себе внимание. Через месяц она поняла, что забыла. Ее спросили: «Что ты забыла?» Она сказала: «Красивая беднодомная кошка, и все. Красота проклятища, да жизнь может оказаться длиной, и это тоже было страшно.

Сидя в кафе, она думала о том, что ей не влезло всегда. Она не умела выбирать. Еще когда она ездила в Москву сдавать

экзамены в университете, и в нее влюбился художник, смешной тип. Она говорила ему, что не люблю его, и он, не замечавши ее, вспомнил кумилю. Кандидат в повары был Сорокин, она испытывала к нему какое-то страшное чувство, которое не могла объяснить себе. Это не было антиподом.

Она не умела выбирать. Еще когда она ездила в Москву сдавать

экзамены в университете, и в нее влюбился художник, смешной тип. Она говорила ему, что не люблю его, и он, не замечавши ее, вспомнил кумилю. Кандидат в повары был Сорокин, она испытывала к нему какое-то страшное чувство, которое не могла объяснить себе. Это не было антиподом.

Она не умела выбирать. Еще когда она ездила в Москву сдавать

экзамены в университете, и в нее влюбился художник, смешной тип. Она говорила ему, что не люблю его, и он, не замечавши ее, вспомнил кумилю. Кандидат в повары был Сорокин, она испытывала к нему какое-то страшное чувство, которое не могла объяснить себе. Это не было антиподом.

Она не умела выбирать. Еще когда она ездила в Москву сдавать

экзамены в университете, и в нее влюбился художник, смешной тип. Она говорила ему, что не люблю его, и он, не замечавши ее, вспомнил кумилю. Кандидат в повары был Сорокин, она испытывала к нему какое-то страшное чувство, которое не могла объяснить себе. Это не было антиподом.

Она не умела выбирать. Еще когда она ездила в Москву сдавать

экзамены в университете, и в нее влюбился художник, смешной тип. Она говорила ему, что не люблю его, и он, не замечавши ее, вспомнил кумилю. Кандидат в повары был Сорокин, она испытывала к нему какое-то страшное чувство, которое не могла объяснить себе. Это не было антиподом.

Она не умела выбирать. Еще когда она ездила в Москву сдавать

экзамены в университете, и в нее влюбился художник, смешной тип. Она говорила ему, что не люблю его, и он, не замечавши ее, вспомнил кумилю. Кандидат в повары был Сорокин, она испытывала к нему какое-то страшное чувство, которое не могла объяснить себе. Это не было антиподом.

Она не умела выбирать. Еще когда она ездила в Москву сдавать

экзамены в университете, и в нее влюбился художник, смешной тип. Она говорила ему, что не люблю его, и он, не замечавши ее, вспомнил кумилю. Кандидат в повары был Сорокин, она испытывала к нему какое-то страшное чувство, которое не могла объяснить себе. Это не было антиподом.

Она не умела выбирать. Еще когда она ездила в Москву сдавать

экзамены в университете, и в нее влюбился художник, смешной тип. Она говорила ему, что не люблю его, и он, не замечавши ее, вспомнил кумилю. Кандидат в повары был Сорокин, она испытывала к нему какое-то страшное чувство, которое не могла объяснить себе. Это не было антиподом.

Она не умела выбирать. Еще когда она ездила в Москву сдавать

экзамены в университете, и в нее влюбился художник, смешной тип. Она говорила ему, что не люблю его, и он, не замечавши ее, вспомнил кумилю. Кандидат в повары был Сорокин, она испытывала к нему какое-то страшное чувство, которое не могла объяснить себе. Это не было антиподом.

Она не умела выбирать. Еще когда она ездила в Москву сдавать

экзамены в университете, и в нее влюбился художник, смешной тип. Она говорила ему, что не люблю его, и он, не замечавши ее, вспомнил кумилю. Кандидат в повары был Сорокин, она испытывала к нему какое-то страшное чувство, которое не могла объяснить себе. Это не было антиподом.

Она не умела выбирать. Еще когда она ездила в Москву сдавать

экзамены в университете, и в нее влюбился художник, смешной тип. Она говорила ему, что не люблю его, и он, не замечавши ее, вспомнил кумилю. Кандидат в повары был Сорокин, она испытывала к нему какое-то страшное чувство, которое не могла объяснить себе. Это не было антиподом.

Она не умела выбирать. Еще когда она ездила в Москву сдавать

экзамены в университете, и в нее влюбился художник, смешной тип. Она говорила ему, что не люблю его, и он, не замечавши ее, вспомнил кумилю. Кандидат в повары был Сорокин, она испытывала к нему какое-то страшное чувство, которое не могла объяснить себе. Это не было антиподом.

Она не умела выбирать. Еще когда она ездила в Москву сдавать

экзамены в университете, и в нее влюбился художник, смешной тип. Она говорила ему, что не люблю его, и он, не замечавши ее, вспомнил кумилю. Кандидат в повары был Сорокин, она испытывала к нему какое-то страшное чувство, которое не могла объяснить себе. Это не было антиподом.

Она не умела выбирать. Еще когда она ездила в Москву сдавать

экзамены в университете, и в нее влюбился художник, смешной тип. Она говорила ему, что не люблю его, и он, не замечавши ее, вспомнил кумилю. Кандидат в повары был Сорокин, она испытывала к нему какое-то страшное чувство, которое не могла объяснить себе. Это не было антиподом.

Она не умела выбирать. Еще когда она ездила в Москву сдавать

экзамены в университете, и в нее влюбился художник, смешной тип. Она говорила ему, что не люблю его, и он, не замечавши ее, вспомнил кумилю. Кандидат в повары был Сорокин, она испытывала к нему какое-то страшное чувство, которое не могла объяснить себе. Это не было антиподом.

Она не умела выбирать. Еще когда она ездила в Москву сдавать

экзамены в университете, и в нее влюбился художник, смешной тип. Она говорила ему, что не люблю его, и он, не замечавши ее, вспомнил кумилю. Кандидат в повары был Сорокин, она испытывала к нему какое-то страшное чувство, которое не могла объяснить себе. Это не было антиподом.

Она не умела выбирать. Еще когда она ездила в Москву сдавать

экзамены в университете, и в нее влюбился художник, смешной тип. Она говорила ему, что не люблю его, и он, не замечавши ее, вспомнил кумилю. Кандидат в повары был Сорокин, она испытывала к нему какое-то страшное чувство, которое не могла объяснить себе. Это не было антиподом.

Она не умела выбирать. Еще когда она ездила в Москву сдавать

экзамены в университете, и в нее влюбился художник, смешной тип. Она говорила ему, что не люблю его, и он, не замечавши ее, вспомнил кумилю. Кандидат в повары был Сорокин, она испытывала к нему какое-то страшное чувство, которое не могла объяснить себе. Это не было антиподом.

Она не умела выбирать. Еще когда она ездила в Москву сдавать

экзамены в университете, и в нее влюбился художник, смешной тип. Она говорила ему, что не люблю его, и он, не замечавши ее, вспомнил кумилю. Кандидат в повары был Сорокин, она испытывала к нему какое-то страшное чувство, которое не могла объяснить себе. Это не было антиподом.

Она не умела выбирать. Еще когда она ездила в Москву сдавать

экзамены в университете, и в нее влюбился художник, смешной тип. Она говорила ему, что не люблю его, и он, не замечавши ее, вспомнил кумилю. Кандидат в повары был Сорокин, она испытывала к нему какое-то страшное чувство, которое не могла объяснить себе. Это не было антиподом.

Она не умела выбирать. Еще когда она ездила в Москву сдавать

экзамены в университете, и в нее влюбился художник, смешной тип. Она говорила ему, что не люблю его, и он, не замечавши ее, вспомнил кумилю. Кандидат в повары был Сорокин, она испытывала к нему какое-то страшное чувство, которое не могла объяснить себе. Это не было антиподом.

Она не умела выбирать. Еще когда она ездила в Москву сдавать

экзамены в университете, и в нее влюбился художник, смешной тип. Она говорила ему, что не люблю его, и он, не замечавши ее, вспомнил кумилю. Кандидат в повары был Сорокин, она испытывала к нему какое-то страшное чувство, которое не могла объяснить себе. Это не было антиподом.

Она не умела выбирать. Еще когда она ездила в Москву сдавать

экзамены в университете, и в нее влюбился художник, смешной тип. Она говорила ему, что не люблю его, и он, не замечавши ее, вспомнил кумилю. Кандидат в повары был Сорокин, она испытывала к нему какое-то страшное чувство, которое не могла объяснить себе. Это не было антиподом.

Она не умела выбирать. Еще когда она ездила в Москву сдавать

экзамены в университете, и в нее влюбился художник, смешной тип. Она говорила ему, что не люблю его, и он, не замечавши ее, вспомнил кумилю. Кандидат в повары был Сорокин, она испытывала к нему какое-то страшное чувство, которое не могла объяснить себе. Это не было антиподом.

Она не умела выбирать. Еще когда она ездила в Москву сдавать

экзамены в университете, и в нее влюбился художник, смешной тип. Она говорила ему, что не люблю его, и он, не замечавши ее, вспомнил кумилю. Кандидат в повары был Сорокин, она испытывала к нему какое-то страшное чувство, которое не могла объяснить себе. Это не было антиподом.

Она не умела выбирать. Еще когда она ездила в Москву сдавать

экзамены в университете, и в нее влюбился художник, смешной тип. Она говорила ему, что не люблю его, и он, не замечавши ее, вспомнил кумилю. Кандидат в повары был Сорокин, она испытывала к нему какое-то страшное чувство, которое не могла объяснить себе. Это не было антиподом.

Она не умела выбирать. Еще когда она ездила в Москву сдавать

экзамены в университете, и в нее влюбился художник, смешной тип. Она говорила ему, что не люблю его, и он, не замечавши ее, вспомнил кумилю. Кандидат в повары был Сорокин, она испытывала к нему какое-то страшное чувство, которое не могла объяснить себе. Это не было антиподом.

Она не умела выбирать. Еще когда она ездила в Москву сдавать

экзамены в университете, и в нее влюбился художник, смешной тип. Она говорила ему, что не люблю его, и он, не замечавши ее, вспомнил кумилю. Кандидат в повары был Сорокин, она испытывала к нему какое-то страшное чувство, которое не могла объяснить себе. Это не было антиподом.

Она не умела выбирать. Еще когда она ездила в Москву сдавать

экзамены в университете, и в нее влюбился художник, смешной тип. Она говорила ему, что не люблю его, и он, не замечавши ее, вспомнил кумилю. Кандидат в повары был Сорокин, она испытывала к нему какое-то страшное чувство, которое не могла объяснить себе. Это не было антиподом.

Она не умела выбирать. Еще когда она ездила в Москву сдавать

экзамены в университете, и в нее влюбился художник, смешной тип. Она говорила ему, что не люблю его, и он, не замечавши ее, вспомнил кумилю. Кандидат в повары был Сорокин, она испытывала к нему какое-то страшное чувство, которое не могла объяснить себе. Это не было антиподом.

Она не умела выбирать. Еще когда она ездила в Москву сдавать

экзамены в университете, и в нее влюбился художник, смешной тип. Она говорила ему, что не люблю его, и он, не замечавши ее, вспомнил кумилю. Кандидат в повары был Сорокин, она испытывала к нему какое-то страшное чувство, которое не могла объяснить себе. Это не было антиподом.

Она не умела выбирать. Еще когда она ездила в Москву сдавать

экзамены в университете, и в нее влюбился художник, смешной тип. Она говорила ему, что не люблю его, и он, не замечавши ее, вспомнил кумилю. Кандидат в повары был Сорокин, она испытывала к нему какое-то страшное чувство, которое не могла объяснить себе. Это не было антиподом.

Она не умела выбирать. Еще когда она ездила в Москву сдавать

экзамены в университете, и в нее влюбился художник, смешной тип. Она говорила ему, что не люблю его, и он, не замечавши ее, вспомнил кумилю. Кандидат в повары был Сорокин, она испытывала к нему какое-то страшное чувство, которое не могла объяснить себе. Это не было антиподом.

Она не умела выб

Рисунок Леонида ТИШКОВА

Рисунок
Владимира ИВАНОВА
и Виктора СКРЫЛЕВА

Рисунок Виктора КРАСНОШИНА

Рисунок Михаила МУЖНИКОВА

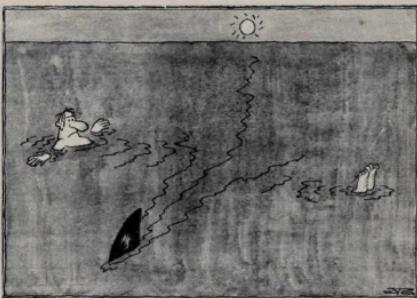

Рисунок Олега ТЕСЛЕРА

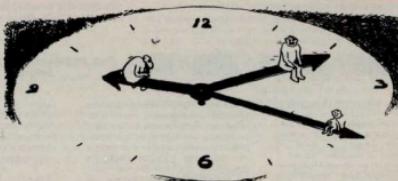

Рисунок Леонида ПЕСКА и Виктора БОГОРАДА

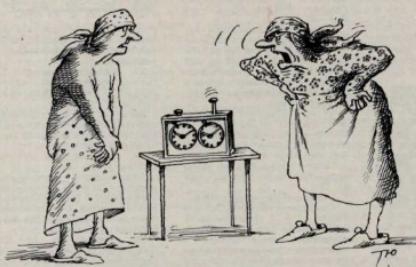
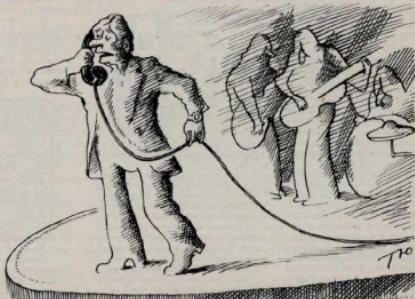

Рисунок Сергея ТЮНИНА

БАЛЛАДА ОБ ОТЦЕ

Слова Вадима СЕРОГО.
Музыка Вячеслава БЕТРОВА

Есть у земли сын и дочь—
Хлеб и вода.
Есть на земле день и ночь—
Счастье и беда.
Есть на земле тень и свет—
Пути и роки.
Есть на земле дорога в сто лет,
Которую ты пройдешь.

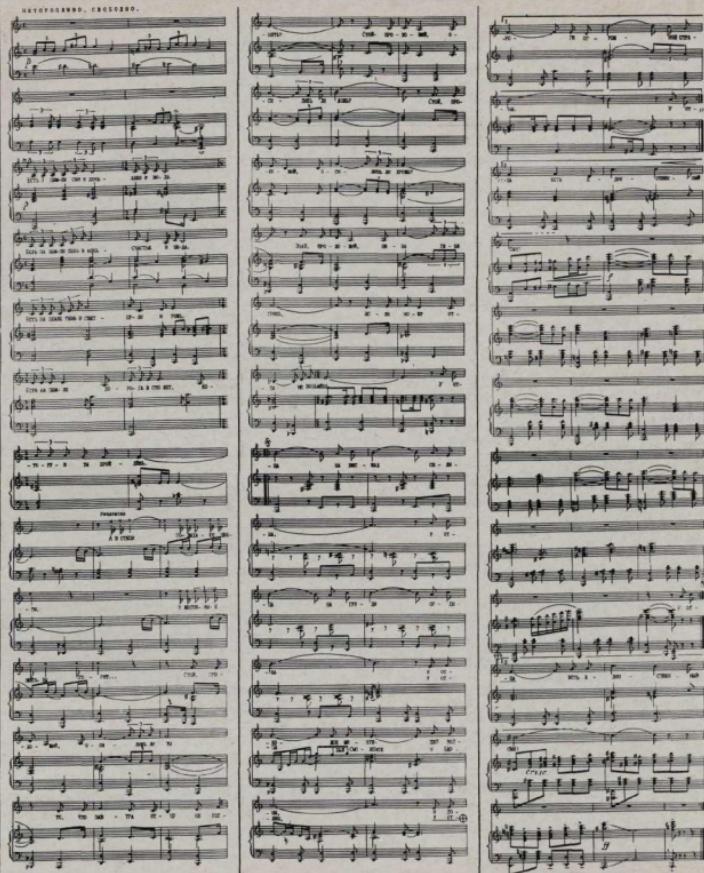
А в степи польхают цветы
И жестяные звезды горят...
Стой, проходи,
Ослиши ли ты
То что запрашиваю?
Отцу не поднай?

Стой, прохожий,
Оссиши ли ложь?
Стой, прохожий,
Оссиши ли дрожь?

Зной, прохожий,
Цена тебе—гроз,
Если ищущ отца
Не возмешь?

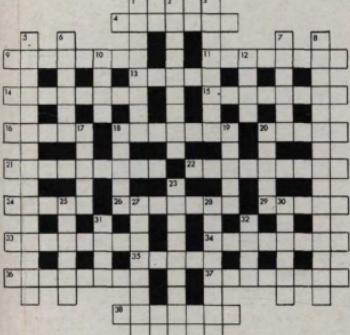
У отца на висках седина,
У отца на груди ордена...
И сколок минувшей войны,
И дороги огромной страны.

У отца на висках седина,
У отца на груди ордена...
У отца был Смоленск и Берлин.
У отца есть единственный СЫН!

КРОССВОРД

Составил И. БЕРС,
лос. Протвино. Московской обл.

По горизонтали:

4. Механизмы для монтажных и грузоподъемных работ. 9.

Строительный теплоизолирующий материал. 11. Аппарат для автоматической записи и воспроизведения речи. 13. Площадка для выставок и концертов. 14.

Опера П. И. Чайковского. 15.

Теплобензиновый аппарат. 16.

Систематическое изучение географии, карт. 18. Отец Г. Г. Майбера. 20. Лицевая сторона здания. 21. Машинка, вырабатывавшая электрическую энергию. 22. Продукт из яиц и муки с добавкой сахара. 24. Столица союзной советской республики. 26.

Исполнительница ролей в опере и на银幕. 28. Красивый пейзаж. 29.

Единица силы электрического тока. 33. Юбилейный южный кустарник. 34. Город в Красноярском крае. 35. Кубинский танец. 36. Единица давления в

метеорологии. 37. Народная артистка СССР. 38. Взрывчатая смесь.

По вертикали:

1. Советская футбольная команда. 2. Установка, отдающая центральную энергию калийческих элементов. 3. Спортивная лодка. 5. Централизация контроля и управления производственным процессом. 6.

Путь движения планет. 7. Музыкальное инструментальное произведение. 8. Советская научная метротехническая станица. 10. Скит на реке Терек. 11. Красивая деревня. 12. Минеральная краска. 18.

Цветок. 19. Оптическое стекло. 20. Город в Краснодарском крае. 22. Город в Домбассе. 25. Цинковый пружинный зверек. 27. Прототип Волми. 28.

Метеоролог. 30. Ягоды. 31. Десертный рак. 32. Старинная русская монета.

ОТВЕТЫ
на КРОССВОРД
НАПЕЧАТАНЫ
В № 10

По горизонтали:

1. Пантомима. 5. Олдридж. 6.

Капитан Марко. 7. Альбом. 8.

Макарыч. 9. Сагитарий. 11.

Форсланд. 15. «Татар». 17. Бионика. 18. Ангела. 19. «Монти». 20.

Арагат. 24. Трест. 25. Витрина. 26.

«Альфа-Бет». 27. Рубрика. 30. Конверт. 31. Сокол. 33. Караев. 34.

Тюрема. 35. Альтернат.

По вертикали:

1. Палантин. 2. Надор. 3. Иари.

4. Аудион. 5. Остров. 7. Сининка.

8. Старт. 9. Старт. 10. Сагитарий.

12. Альбом. 13. Диско. 14. Скорица.

16. Алюр. 18. Ангела. 21. Верстак.

22. Труппа. 23. Нереда. 27.

«Академия». 28. «Портрет».

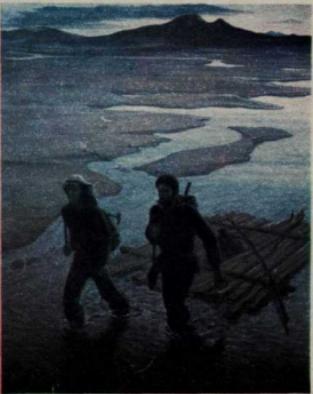
Старт. 32. Трент.

В ЗАЛАХ АКАДЕМИИ-МОЛОДЫЕ...

В дни XXV съезда КПСС в залах Российской галереи в Москве открылась выставка «Прорывавшие традиции», сконцентрированная на произведениях молодых мастеров из двадцати союзных и автономных республик. И надо сказать, что работы эти оказались достойными оказанной чести — были представлены в залах выставки в стенах академии.

Рижанин Р. Музис назвал свой холст «Горные дали». Этот поэтический пейзаж проникнут приподнятым настроением. Но внутренние формы, экспрессивно несущие мимо автора, воссияли яркими красками, выражая более темпераментное, праздничное начало картины М. Табака из латвийского города Юрмала «Утро в лесу». Перед нами группа веселых парней и девушки, захваченные стихией танца. Быть может, кажется бы, счастье выражается до обобщенного го символа счастливого бытия послевоенного поколения.

М. КРАСИЛЬНИКОВ. В ВЕРХОВЬЯХ АНДЫРЫ.

Р. МУЗИС. РОДНЫЕ ДАЛИ.

Более сдержаны и, пожалуй, более глубоки раздумья о жизни и ее смысле москвички Е. Романовой. В картине «Семья Василия Шукшина» художница пытается с «одыхающим» берегом реки связать приемы внутреннего облика изображаемых ею людей, их органическую привязанность к миру большого писателя, режиссера, артиста... Сего дня живые герои новостроек, Сибири и Крайнего Севера, смотрят на нас глазами Ильи Шукшина. Мы наивно ищущим искреннюю симпатию, которую автор испытывает к своим персонажам, и у нас нет сомнений, что эти ребята — любознательны и надеждны, они — будущее. В картине панораме «За пуншиной» москвич В. Иванов раскрывает сложные взаимоотношения между людьми, населющими отдаленные поселки, и окружающей их суровой природой. Голуподобный «морозный» колорит удачно передает особенности места действия.

Е. РОМАНОВА. СЕМЬЯ ВАСИЛИЯ ШУКШИНА.

О. ИБРАГИМОВ. РАБОЧИЕ БАМ.

На выставке были и произведения, представляющие собой сочетание различных жанров, например, портрет и натюрморт. Характерный пример подобного рода — картина москвича В. Хабирова «Антиксар». Молодая прядильщица устроила у себя в мастерской «посиделки» с нашими героями: Регулой, Мариной Вереско, «Петропавловственностью» стилевого почекра присущим многие участникам выставки. И это радует. Ведь без освоения многовековых живописных традиций невозможно движение вперед.

Алексей КОРЗУХИН

Г. ФАДИН. НА БАЛКОНЕ.

